

НАТАЛЬЯ
КОРОТКОВА

СИБИРИАДА

СЕРДЦЕ-ВЕЩУН

Сибиряда

Наталья Короткова

Сердце-вещун

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Короткова Н. С.

Сердце-вещун / Н. С. Короткова — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-5381-6

В сборник вошли повести и рассказы о жителях русской провинции, сибирской глубинки. Герои Натальи Коротковой — простые люди, ничем вроде бы не примечательные в обычной жизни; но именно их ежедневный труд и заботы, их внутренняя глубина и многообразие, а порой и жертвенность определяют нравственный облик народа. По словам Михаила Щукина, Наталья Короткова берется за вопросы очень серьезные и именно этим сильна ее проза.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5381-6

© Короткова Н. С., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Трава на обочине	6
Своя колея	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Сергеевна Короткова
Сердце-вещун
Сборник

* * *

© Короткова Н.С., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Трава на обочине

К своему новому жилищу Головин подходил медленно – одышка проклятая.

От станции до поселка через лес минут сорок ходу. По дороге несколько раз останавливался дух перевести. Совсем мотор не тянет. Когда до дома было уже рукой подать, решил передохнуть как следует.

Оглядевшись, присел на поваленное дерево. Достал из объемистого, потрепанного портфеля пузырек с лекарством и, вытряхнув на ладонь таблетку, закинул под язык. Он сидел ссутулившись, рассеянно глядя перед собой. Над головой его нежно шелестел молодой листвой березняк. Где-то вдалеке звонко долбил дятел. В траве, у самых ног, Головин заметил кустики земляники. Сорвал несколько ягод – лекарство подсластить.

Передохнув, двинул дальше. Выйдя из пролеска и увидав край деревенской улицы, с облегчением вздохнул: «Дошел. Слава богу! Вот оно – Растеряево. Зря Тамарка переживала. Есть еще порох в пороховницах», – распрямил плечи Головин.

* * *

С женой они накануне крепко разругались: не хотела одного отпускать. Все порывалась с ним поехать. Заполошничала: прихватит, мол, и будешь где-нибудь под кустом в лесу валяться. Или в деревне своей загнешься. Какая скорая в такую дыру поедет?

«Ну и загнусь. Делов-то», – отрубил Головин, всерьез решивший объявить войну неожиданно свалившейся на него болезни. Тамарка в этом деле ему не помощник. От суеты ее только хуже. Замучила заботой своей. Да и сама замучилась. Оно и понятно: последнее время он из больниц не вылезал. Сначала давление, потом вот сердце барахлить стало. А ведь не такие уж это и годы – шестьдесят с небольшим. Он и на пенсию-то уходить не собирался, пока не прихватило. «Здоровье есть, – думал. – Чего дома сидеть?» Но теперь, похоже, и впрямь пора на заслуженный отдых. С другой стороны: а кому работать? В школе одни пенсионеры, считай, и остались. Из последних сил тянутся. Молодые разве ж пойдут на такую зарплату?

Игорь Иванович Головин без малого сорок лет отработал учителем истории. От звонка до звонка – в буквальном смысле. До сих пор в памяти, как зашел первый раз в свой десятый «Б». Сур-ровый! А у самого поджилки тряслись. На сколько он их там старше-то был? Девчонки глазки строили, хихикали, в краску вгоняли. Таньку Комарову (вот ведь, на всю жизнь запомнил!) взялся отчитывать за невыполненную домашку, а она, зараза, смотрит на него исподлобья не отрываясь, улыбается и вкрадчиво так, с придыханием говорит: «А глаза такие голубые-голубые...»

Надо же... Как вчера! Бабка его, бывало, так говаривала. Он тогда, по молодости, думал – это она к слову. А вот сейчас, когда у самого внуков двое, оказалось, действительно, как вчера! Давно ли он к Тамарке своей на свиданки бегал? Да... Время – штука жестокая.

В общем, совсем Игорь Иванович захандрил, как седьмой десяток разменял. А уж когда болеть начал... Поначалу трухнул не на шутку и все рекомендации врачей неукоснительно выполнял: таблетки, процедуры... Да толку мало. Потом стал замечать, что боится дома один оставаться – вдруг поплохеет? А на улице? Прихватит сердце – и свалишься. А кругом люди. Да не дай бог – знакомые! Стыдобища! Головин презирал себя за свою слабость. Никак не мог привыкнуть, что он – еще недавно крепкий, сильный мужчина – враз превратился в старую развалину.

Словом, опостылела Игорю Ивановичу такая жизнь до крайности. И решил он тогда: вот сколько ему отмерено на этом свете – столько и проживет. Трястись больше не будет. Покуда

сил хватит, поработает, внуков понянчит. И хорошо бы мечту свою давнюю исполнить наконец. Куда уж дальше-то откладывать?

А мечта была... Купить дом в деревне. Нет, не так чтобы жить насовсем переехать, а навряде дачи. В отпуск, на каникулы школьные. И непременно в какой-нибудь глухомани. Где и лес под боком, и речка. И людей немного. Всю жизнь в школе – шум, гам... С утра до вечера. Домой приходишь – в голове гул стоит. А дома жена, дети, внуки. Он, конечно, в них души не чает, да только... Чувствовал в последнее время, что подрастерял, поистратил себя. Душа просила уединения.

«Ну что ж... Видать, и впрямь старею», – вздыхал про себя Головин.

* * *

Игорь Иванович отворил калитку. Та жалобно заскрипела ржавыми петлями. Пройдя по заросшему без хозяйского пригляда двору, устало опустился на выцветшее, местами прогнившее крыльцо. С облегчением выдохнул: сердце вроде отпустило. Огляделся вокруг.

Дом он купил километрах в ста от города. Не такая уж глушь, как мечталось, ну да иначе не доберешься. А тут пару часов на электричке – и ты, считай, на месте. А местечко славное! Дом у него крайний, за огородом сосновый бор. А посреди деревни озеро, поросшее по берегам камышом. Будет где порыбачить.

Домик Головину достался небольшой, кособоконый. На что заработанных репетиторством денег хватило, то и взял. Да ему хоромы и не нужны. Не за тем он сюда приехал. От прежних хозяев осталась небогатая обстановка и кое-что из домашнего скарба. В кухне самым примечательным был старый пузатый буфет с рифлеными стеклами. В буфете Головин обнаружил несколько щербатых тарелок, кружки и пару гнутых вилок.

В комнате же сразу бросались в глаза книжные стеллажи. Игорь Иванович заперевбирал пыльные тома: Лесков, Бунин, Диккенс...

«Надо же», – удивился он. Скромная деревенская обстановка никак не наводила на мысль, что хозяева были людьми образованными. Рядом со стеллажами, у окна, стоял круглый, с потрескавшейся полировкой стол. В углу располагалась кровать с панцирной сеткой и потускневшими от времени никелированными шарами на высоких спинках. На стене – полинялый ковер с оленями. Над ним два больших портрета в деревянных, выкрашенных синей краской рамках. На одном из них мужчина в военной форме, с орденами. На другом – красивая, с выразительными глазами женщина. Фотографии были старые, выцветшие.

Что же это *он*? Разве так можно? Родители все-таки...

Дом Игорь Иванович приобрел у сына хозяев – наследника, так сказать. Старики умерли, а сын в городе давно обосновался. Неприятный тип. На вид лет сорока, рыхлый, глаза водянистые, рыбки. Разговаривает снисходительно, через губу.

– Не жалко? – осматривая дом, поинтересовался Игорь Иванович в первую их встречу. – Все-таки родной, родительский.

– Да че тут жалеть-то? Деревня эта всегда дыра дырой была, – презрительно скривился хозяин. – У меня дача двухэтажная, с бассейном. И под боком. В элитном поселке. На кой мне эта халабуда?

В доме пахло так, как часто бывает в жилище стариков. Запах, который не спутаешь ни с каким другим, наводил тоску. Ну что ж... Надо обживаться. В сарайке нашлись старые тряпки, ведро цинковое. Головин набрал в колодце воды. Да, теперь у него был свой собственный колодец! Правда, давно нечищенный – и потому застоявшаяся в нем вода для питья не годилась, но для хозяйственных дел сойдет.

Игорь Иванович энергично приступил к уборке. Смахнул веником паутину по углам. Мусор, разбросанный по комнатам, собрал и выкинул. Портреты оставил: выбросить рука не

поднялась. Затем прошелся влажной тряпкой по шкафам, по корешкам запылившихся книг и принялся за пол. Наконец, отдраив затоптанные половицы, Головин подхватил ведро с грязной водой и вышел на улицу.

Во дворе напротив копошился мужик в камуфляжной куртке. Игорь Иванович прищурился: надо бы познакомиться. Или не надо? Он ведь сюда от людей сбежал, а тут опять начнется: разговоры, выпивка, не дай бог. Кто его знает – этого соседа? Может, алкаш какой. Привяжется – не отстанет... Решил сделать вид, что не заметил.

На ужин Головин отварил картошки, благо в погребе ее полно оказалось, открыл тушенку. Кроме тушенки в пузатом портфеле были еще бутерброды, заботливо приготовленные женой, чай, печенье.

Ужинал на веранде, сидя у раскрытого настежь окна и наслаждаясь непривычной для городского слуха деревенской тишиной. Нарушал ее лишь непрерывный стрекот сверчков да редкий перелай соседских собак. Хорошо-то как!

Поужинав и прибрал со стола, Игорь Иванович отправился на боковую. Он долго не мог заснуть на новом месте. Ворочался с боку на бок, перебирая в голове прошедший год.

Что-то надломилось в нем. И вовсе не из-за болезни. Нет. Раньше.

В школу Головин пошел по призванию. Предмет свой, историю, любил страстно. И любовью этой учеников своих умел заразить. Хоть и строг был, но дети к нему тянулись. Игорь Иванович к работе подходил творчески, с выдумкой. Это сейчас всякими гаджетами и электронными досками в школе никого не удивить, а когда он преподавать начинал, ничего такого и в помине не было. Сам изобретал. Соберет нехитрую электрическую схему. Картонку на нее наклеит. А на той картонке в один столбик события исторические напишет, в другой – даты. Вот и тычет ученик одним проводком в Куликовскую битву, а вторым – в подходящую дату. Правильно сообразил – лампочка загорелась. Молодец! Неправильно – не обессудь. Снисхождений Игорь Иванович никому не делал. Даже отличникам. И учебником никогда не ограничивался. Сам много читал и детей приучал читать и думать. «Хотите понимать, что сегодня вокруг вас происходит, – говорил он им, – учите историю. Все повторяется».

А когда страна его в одночасье рухнула и навалилось лихолетье девяностых, работа для него стала служением. Его Куликовым полем. И бился он на поле этом с нечистью всякой, что из всех щелей повылезала. С коллегами хлестался, дорвавшись до «свободной прессы» и начавшими вдруг с каким-то странным, непонятным ему упоением взахлеб оплевывать свое прошлое. Спорил до хрипоты. Их послушать, так и в войне-то мы победу одержали только потому, что врага трупами завалили. И полководцы наши – сплошь бездари. А без штрафбатов да заградотрядов так и вовсе бы армия по домам разбежалась. Поскольку, с их слов, и народ-то у нас... сволочь, одним словом, а не народ. Да и страна – сплошной ГУЛАГ: одни сидели, другие охраняли.

«Слава тебе господи, отец-фронтовик не видит и не слышит всего этого. Не дожил», – скрипел зубами Головин, листая новые учебники с методичками. Вот и бился он за доброе имя отца и за всех оклеветанных. Живых и мертвых. Сердце рвал. А еще – за учеников-несмышленишей. Кем они вырастут? Как жить им, когда Родину с грязью мешают и ничего, кроме презрения, такая Родина вызвать не может? И так год за годом.

А тут выдохся. Вымотался до невозможности. Надоело ему смотреть в пустые глаза учеников, у которых одна забота – ЕГЭ сдать; на коллег, замордованных бесконечными отчетами и аттестациями, уставших от безденежья и оттого равнодушных ко всему. А ему что, больше всех надо, в конце-то концов?! Один в поле не воин.

«Да и какой смысл?» – спрашивал он себя. Сколько ему осталось-то? Всю жизнь кому-то что-то доказывал, спорил, на баррикады за правду лез... А кому нужна его правда? Может, пора успокоиться? Для себя пожить?

Под такие невеселые мысли он и задремал.

Вдруг за окном пьяно затагнули:

Мои друзья – начальники, а мне не повезло:
Который год скитаюсь с автоматом...

«Вот тебе и тишина! Вот тебе и покой! Вот тебе и деревенская идиллия!» – зло выговаривал Головин сам себе. А песня крепчала... Не иначе как в доме напротив гуляют. Ему вспомнился давешний мужик в камуфляжке.

Наконец, не выдержав, Игорь Иванович поднялся и пошлепал босиком по скрипучим половицам на крыльцо. Так и есть! Соседские окна были распахнуты, по деревне лилось раскатистое:

Такое вот суровое мужское ремесло —
Аты-баты, аты-баты...

«Тьфу ты!» – с досадой сплюнул Головин. Но не скандалить же с соседями. Да еще с пьяными. Того и гляди, навалют еще. Он вернулся в дом и, поплотнее притянув за собой дверь, накинул крючок.

* * *

На другой день проснулся он поздно. После бессонной ночи чувствовал себя неважно. Выйдя во двор, увидел сидящего на лавке у дома напротив вчерашнего мужика.

Тот тоже заметил Головина, поднялся и, сильно прихрамывая, направился к нему.
– Здорово, сосед! Ну что, – протянул руку, подходя, – будем знакомы: Михаил.
– Доброе утро. Игорь Иванович.

Отвечая на крепкое рукопожатие соседа, Головин обратил внимание, что кисть левой руки у того неестественно скрючена, как будто пальцы судорогой свело.

– Ты, что ли, у Генки Поскребыша дом купил? – Сосед с ходу, без церемоний перешел на «ты».

Головина это покорибило. Он к такому не привык. Ишь, щегол молодой... Сорока, поди, еще нет. Хотя, может, у них в деревне так принято.

– Да вот купил. А почему Поскребыша?
– Бабы наши так его кличут. С детства приклеилось.

Новый знакомый слегка заикался. Игорю Ивановичу он с первого взгляда не понравился: резкий, дерганый какой-то, как на шарнирах. Еще и перегаром от него разит за версту. И глядит с прищуром: что, мол, за гусь у нас тут объявился?

– Сам-то местный? – поинтересовался Головин.
– Тутошний, – кивнул Михаил. – Дом родительский. Отец строил.
– И как родители? Не возражали, когда вы тут всю ночь гулеванили?
– Родители померли давно. А мы с мужиками так, чисто по ностальгии... По тихой грусти,

так сказать.

– Извини, – смутился Головин.
– Да ладно...

Сосед потянул скрюченной рукой из кармана пачку сигарет. Неловко прикурил.

– Сам-то каким ветром к нам?
– Да вот... к земле потянуло на старости лет. К природе.
– Тяжело тебе будет, городскому, да еще без хозяйки.

– Так я не насовсем. В городе и квартира есть, и хозяйка. А здесь так... Что-то вроде дачи. Стресс снять после работы.

– А-а-а... Я в городе не смог бы. Пробовал, – хмыкнул Михаил. – Дачник, значит? Дело хорошее. У нас тут благодать. И рыбалка, и охота... У тебя ружье-то есть?

– Откуда? Не охотник я. А вот с удочкой люблю.

– Заметано. – Михаил затоптал окурок. – Посидим, значит, завтра на зорьке. Ну, бывай, сосед. Загляну еще вечерком. Побег я. Некогда мне: обещал Саврасихе помочь баню стопить. Ты тоже обращайся, если что.

– Кому помочь?

– Соседке моей. Вредная бабка, спасу нет! Да одинокая, помочь некому. Вот взял на себя сообразительство, – хохотнул Михаил и похромал прочь.

Головин проводил его взглядом. Подумал: «Мужик молодой, а рука калеченая, хромает, еще и заикается. Видать, бурная молодость была у соседа».

День прошел незаметно. Головин прогулялся по деревне, познакомился с местными. В магазине затарился продуктами, бельишком постельным, ну и так... по мелочи. У почты поговорил со стариками, поинтересовался, у кого молоко можно брать. Дошел до фермы, что располагалась на краю деревни. У ворот фермы стоял «лексус», рядом с ним маячил знакомый камуфляж. Михаил что-то энергично доказывал водителю, холеному мужику в темных очках. Тот слушал молча, недовольно. Общаться с соседом не хотелось, и Головин, не желая быть замеченным, развернулся в сторону дома.

Вечером позвонил жене, успокоил – жив, мол, здоров. Жена было принялась за старое, рвалась приехать, но Игорь Иванович сказал как отрезал: не нужна ему здесь скорая помощь. Договорились, что раз в неделю-другую сам домой навещаться будет – отметить. Чтобы Тамарка лично могла удостовериться, что не запаршивел мужик без ее догляда, не захирел.

* * *

Поутру Головина разбудил стук в окно. Негромкий, но настойчивый. И кого в такую рань нелегкая принесла? Поднявшись с постели, он подошел к окну и толкнул створки. Во дворе стоял Михаил с удочками в руках.

– Дрыхнешь? – Сосед довольно улыбался. – Собирайся. Всю рыбалку проспидишь.

– Ох! – Головин спросонья потряс головой. – Я ж думал, ты так... про рыбалку-то. Дай хоть умоюсь!

– Умывайся. Я пока червей подкопаю.

Игорь Иванович махом собрался, накинуд ветровку (поутру у воды свежо), на ходу глотнул холодного чаю – и во двор. За соседом он попевал с трудом. Шаггал тот резво, даром что хромой.

Подошли к озеру. Расположились на сырых мостках, закинули удочки. Над водой стелился тонкий туман. Заросли камыша по берегам тонули в мягком утреннем свете. Пахло тиной. Мимо, не торопясь, проплыл утиный выводок. И ни звука. Слышно только, как вода глухо бултыхает о борта дюралевой лодки, привязанной к мосткам. Покойно. Хорошо. Так бы и сидел весь день.

– А ты, Михаил, – первым нарушил молчание Головин, – чем занимаешься? Работаешь?

– Ага. На ферме, скотником.

– Платят нормально?

– Семь тыщ.

Головин присвистнул:

– А я думал, у меня зарплата маленькая. Не разгуляешься, однако, на семь-то тысяч.

– Так пенсия еще.

– Пенсия? Рановато вроде для пенсии. Нет?

– А мне как участнику боевых действий положено.

Головин с интересом глянул на Михаила:

– Так ты воевал? А где? Когда?

– В первую чеченскую. Как призвали, так сразу после учебки и загремел. Это потом туда только контрактников стали брать, а поначалу-то всех подряд.

– Понятно... И долго воевал?

– Почти год. Пока не ранили.

Михаил перезакинул удочку.

– Рука?.. – Игорь Иванович кивнул на его скукоженные пальцы.

– Да я весь как худое сито! – засмеялся тот. – Контузия еще – вишь, заикаюсь.

Помолчали.

– Ну и как там, на войне? Страшно, наверное, было?

– По первости – нет. Радовался даже. Я же с детства военным хотел стать. Сколько книг про войну перечитал, сколько фильмов пересмотрел – что ты! Готовился. Спортом серьезно занимался. Я ж кэмээс по боксу. За область выступал... А тут война! Настоящая. Переживал, как бы там без меня не управились. – Михаил покачал головой. – И вот, веришь, нет, в голову не приходило, что убить могут. Помню, в Ачхой-Мартан нас привезли, мы с машины попрыгали, я – последний. Хотел борт закрыть, а командир мне: «Не спеши». Смотрим, пацаны ящики какие-то тащат. Я сразу и не понял, что это. А это «двухсотые». Цинковые ящики, досками обитые. А на досках – фамилии краской. Мы сюда, а они... домой, значит. Вот только тут я и охолонул маленько. Дошло наконец: это тебе не кино...

Игорь Иванович хорошо помнил то время. В девяносто пятом Алешку Нечаева, ученика его, из Чечни в цинке привезли. Всей школой хоронили. А сын как раз в тот год школу оканчивал. Боялись с матерью за него страшно! Да пронесло, слава богу. У сына легкие с детства слабенькими были. Негодным оказался к строевой службе. Правду люди говорят: нет худа без добра! Головин вздохнул.

– А ты? На пенсии? – Михаил дернул удочку: на крючке трепыхался приличный подлещик.

– Ух ты! – Игорь Иванович подставил ведро. – Да так-то на пенсии. В прошлом году оформился. Но все равно работаю пока. В школе. Учителем истории.

– Хорошее дело. А я так и подумал. Как глянул – вылитый Сан Саныч!

– Это кто?

– Бывший хозяин твоего дома. Тоже учителем работал – в нашей школе, математиком. Пока школу не закрыли. Жена его, Александра Ивановна, литературу у нас вела. Душевные старики были.

– То-то я смотрю: полон дом книг. А сына их ты хорошо знаешь?

– Генку-то? Поскребыша? Однокашник мой бывший.

– Неприятный тип, – осторожно заметил Головин. – Разговаривает – вроде как одолжение делает.

– Генка – он такой... – усмехнулся Михаил. – Он у нас бизнесмен. Деловой! В городе у него сеть «стошек». Как после школы в институт поступил, только его и видели. За все время пару раз показался в деревне – и все. Деньги, правда, родителям исправно присылал, мать его хвалилась. – Сосед насадил на крючок червя, поплевал на него. – А на похороны ее не приехал. Она перед смертью болела сильно, все ждала его. Сан Саныч к тому времени уже помер, так что ее Люська Печенкина дохаживала. Помню, Александра Ивановна, пока силы были, на лавочку возле дома выберется и все в сторону станции глядит. Караулит... – Михаил поморщился. – Не дозвонились мы до него. Он, как оказалось, в Таиланде с семьей отдыхал. Сами схоронили.

– А почему его Поскребышем зовут?

– Да детей у его стариков долго не было, они и ждать перестали. Им уж за сорок перева-
лило, когда Генка родился. Потому и Поскребыш. Мать его радовалась! Надышаться на него
не могла, от всякой работы оберегала. Это мы все лето с родителями на огородах, а этот – не-
е-е... Оно и понятно. Генка в детстве дрышом был, бледным да золотушным. Болел без конца.
Вот она и тряслась над ним. Это он сейчас раскабанел.

– Я гляжу, ты его не очень...

– А нас с ним никогда мир не брал. Мы ж в одном классе учились, так редкую неделю
не дрались.

– Что так?

– Да... – Сосед опять поморщился. – С гнильцой парень был. Родители его баловали: то
из города апельсинов привезут, то конфет шоколадных, дорогих. Нам-то петушка на палочке
купят – мы и довольнехоньки. Помню, как-то раз на перемене высыпали из класса, смотрим,
а Генка у окна в коридоре стоит и персик жрет. Здоровущий! Жрет – и сок у него по щекам
бежит. А мы рядом стоим, слюни глотаем. Мы ведь персики эти только по телевизору и видели.
А Поскребыш на нас ноль внимания. И до того мне обидно стало! Не потому обидно, что
так уж персика захотелось. Нет... Просто жмотяра этот на нас как на пустое место смотрел.
А когда он сожрал свой персик, Женька, сосед мой по парте, аж икнул. Ну и... Навалил я
Поскребышу по дороге домой за такое нетоварищеское поведение. Мне от матери, правда, тоже
потом влетело. – Михаил рассмеялся. – А как подросли – из-за девчонок хлестаться начали.
Генка в десятом классе на Машку мою глаз положил. Как вечер – он под окном у нее. Весь в
джинсе, на плече кассетник. Как шас помню: «Вега», последняя модель. Тогда круто было! Ну
я ему, само собой, быстро объяснил, чьи в лесу шишки. Так он, гаденьш, выждал, когда меня
в армию заберут. Сам-то закосил: грыжа у него внезапно образовалась. И давай клинья опять
подбивать. Машка писала – проходу не дает. Я ей наказал тогда передать Поскребышу, что,
как вернусь, грыжу ему враз вправлю. Сразу отстал. А потом и вовсе в город свалил.

– А ты в город после армии не думал перебраться? Чего здесь парню молодому делать?

– Думал. Да разве мать одну бросишь? Мои, как извещение получили, так отец сразу
помер. Инфаркт.

– Какое извещение?

– О смерти! В госпитале что-то в бумагах перепутали. Ну и сообщили родителям: мол,
ваш сын, ефрейтор Жданов Михаил Петрович, выполняя боевое задание, верный военной при-
сяге... Ну и так далее. Батя как услышал, так и... – Михаил махнул рукой.

Головин на миг представил себя на месте его родителей – и тут же отогнал эту страшную
мысль.

– Одно время и правда думал в городе обосноваться, – продолжил сосед. – Ну, это уж
после того, как мамку похоронил. А куда я без образования? Да еще это... – Он махнул изу-
веченной рукой. – Сторожем по знакомству на обувную фабрику устроился. Три месяца, как
чурка, просидел на проходной. Чуть не опух. Не-е-е... Не по мне это.

– А учиться не было желания?

– Да ты что, Иваныч? Какая учеба? Кто бы меня с матерью кормил? А мечта была! После
школы думал в военное училище пойти. – Михаил вздохнул. – А тут, вишь, как оно поверну-
лось. Ни работы путней, ни семьи.

– Что? Не дождалась невеста?

– Почему? Дождалась. В армию знаешь какие письма писала! «Люблю – неба не вижу!»
Как вернулся, сразу поженились. А через полгода сбежала от меня...

– Характерами не сошлись?

– Да нет, тут другое. Я после контузии совсем плохой был. Спать не мог. Орал по ночам.
В лес как-то пошли по ягоды. Вокруг благодать такая! А мне кажется, что по «зеленке» иду.
По спине пот холодный ручьями. На каждом дереве снайпера выглядываю. Дома не лучше.

Во двор выйду – по траве идти не могу: растяжки мерещатся. Жена меня в город к психиатру потащила. Тот таблеток каких-то выписал. Посттравматический синдром, говорит. Да толку с тех таблеток! Ночью раз чуть не задушил ее. Приснилось, будто в окопе сижу, а надо мной «дух» стоит, целится. Я на него – врукопашную... – Михаил сорвал травинку, пожевал. – После этого и ушла. В город уехала. Решила, наверное, что навсегда таким останусь. Да я и сам тогда сильно испугался. Шутка ли – родную жену чуть не порешил! Себя бояться стал. А вишь, оклемался, ниче вроде. – И он горько усмехнулся.

За разговором время прошло незаметно. Деревня потихоньку просыпалась. Пощелкивая кнутом, пастух прогнал вдоль берега стадо коров. Немного погодя протарахтел трактор. Следом, старательно объезжая коровьи лепешки, проехала на велосипеде молодая сдобная бабенка с почтальонской сумкой через плечо. Велосипед под ней дребезжал и позвякивал на каждой кочке.

– Привет, Люськ! – Михаил вскинул руку и разулыбался во весь рот.

Та приветливо кивнула в ответ, с интересом разглядывая Игоря Ивановича.

– Люська Печенкина, почтальонша наша, – пояснил сосед, заметив, как Головин провожает ее взглядом. Помолчав, с гордостью добавил: – Зазноба моя!

– Хорошая, – одобрил Игорь Иванович. – Вместе живете?

– Не... так. Дружим. С переменным успехом, правда.

– А чего?

– Потому как единство и борьба противоположностей промеж нас, Иваныч. У меня ж характер заводной, сам видишь. И Люська – язва та еще. Вот и воюем. Но! – Михаил поднял указательный палец. – С регулярными перемириями. На войне как на войне! Ну что, покедова, сосед! Хорошо посидели. – Он неожиданно подхватил удочки.

– А рыба? – удивился Игорь Иванович.

В ведре плескалась пара подлещиков и один так вполне ничего себе лещ.

– Да на кой мне она? Тебе там в самый раз на обед. На жарешку.

* * *

И потекли неспешно сельские будни Игоря Ивановича. Постепенно у него сложился свой незатейливый житейский уклад. Вставал Головин рано, с петухами. Он, быть может, и поспал бы еще, тем более что так сладко ему с юности не спалось, да и вставать в такую рань особой надобности не было, но соседский петух имел на этот счет свое мнение. Для утренней побудки он облюбовал место как раз под окном Игоря Ивановича. Лихо взлетев на плетень, петух самозабвенно драл горло, после чего начинал шуровать среди своих кур, так что только шум стоял.

– Что ж ты, брат, как муэдзин на минарете каждое утро? Другого места себе не нашел? – незлобиво ворчал Головин.

По правде сказать, он был рад столь раннему подъему. Самые благословенные часы! Деревня только-только просыпается, и чудный ее покой еще никем и ничем не нарушен. Разве что петушиным криком. А в утренней зыбкой, повисшей над крышами домов дымке робко нарождается новый день.

Умывшись и позавтракав, Игорь Иванович шел на озеро. Иногда с удочкой, иногда так – посидеть. Домой возвращался не торопясь, окольной, самой длинной дорогой, полной грудью вдыхая терпкий, настоявшийся за ночь на луговом разнотравье воздух.

Прогулявшись, принимался за хозяйство. Со временем поправил забор, крыльцо новое изладил. Спасибо Михаилу, сам бы не справился. Да! Косить научился! Тоже не без помощи соседа. В сарайке нашлась старая литовка. Мишка отбил косу на наковаленке, слегка прошелся по тонкому лезвию брусочком и опробовал инструмент в деле.

– Ты, главное, пяточку косы к земле прижимай, а носочек чуток выше держи, – втолковывал он Головину.

Поначалу у того неловко выходило, а потом ничего, приспособился. И пошло дело! Приведя в порядок двор и заросший огород, прошелся за оградой. Войдя во вкус, перекинулся на двор Саврасихи.

Работал, как положено, поутру – пока роса не сошла, – млея от звонкого, чистого пения косы. И казалось ему, что нашел он наконец то, что так давно и мучительно искал. И вот, точно путник, утомленный дальней дорогой, припал к роднику живому – пил захлеб и напиться не мог!..

За хозяйственными делами день протекал незаметно. После обеда Головин отдыхал за домом, в теньке. Лежа под развесистой черемухой на продавленной, местами аккуратно заштопанной раскладушке, Игорь Иванович перечитал добрую половину книг из библиотеки бывших хозяев. А вечером он отправлялся на другой конец деревни – к Люське Печенкиной, за молоком.

* * *

Люська – крепкая, молодая баба с миловидными ямочками на лице и жилистыми натруженными руками. Жила она без мужа, с сыном Митькой – пацаном лет шестнадцати. Работала на почте. Держала при этом нешуточное хозяйство: двух коров, поросят, кур полон двор.

– Не тяжело, Людмила, одной управляться? – спросил ее как-то Игорь Иванович, придя за молоком.

– Тяжело, не тяжело... Мне сына поднимать надо. После школы в город поедет – в институт поступать. На какие шиши учить? На почте что за деньги?

– Ну а муж?

– А... Выгнала! Пил, как собака.

– Не жалеешь?

– Больно надо – жалеть! Я ж после развода как с войны вернулась. Вспомнить страшно... Он так-то мужик неплохой был. Заботливый, хозяйственный. Пока трезвый. Сколько же я натерпелась от него! Сколько на себе таскала с пьянок этих, сколько по дружкам рыскала ночами... А зимой! Один раз под забором, у магазина, в сугроб завалился. Ночь. На улице ни души. Его уж снежком припорошило, сердешного. Еле растолкала. Поморозился. Думала, без пальцев останется. Уж как только не просила его: не пей! Сын ведь растет. Какой пример ему? Все без толку!

– И где он теперь? – поинтересовался Головин.

– В город уехал. Соседка говорит, видела его недавно. С бомжами у вокзала выпивал.

Люська вздохнула.

– И что ж это нынче за мужик такой пошел? А, Игорь Иванович? – Она горестно подняла брови. – Поизмельчал ваш брат однако. Другой раз смотришь – вроде мужик. А приглядишься – так, видимость одна. Коснись чего – сразу в кусты. Взять хоть деревню нашу. Поразбежались ведь, как зайцы, – легкой жизни искать. Однокашники мои все до одного усвистали. Кто сразу после школы, а кто уже и детишек нажить успел. Так ведь и баб своих, и детишек побросали. Разве ж это мужики? Вот, помню, мамка моя про дедов своих рассказывала – прадедов моих, значит. Так те в свое время по Столыпинской реформе аж из Саратовской губернии сюда перебрались. Вот люди были! Сначала до Томска по железной дороге в теплушках ехали. А после до места – уже на подводах. Со всем скарбом домашним. Скотина, опять же, с ними. Можешь себе представить? Детишки с бабами на подводах, а мужики – рядом, пешком. По сорок верст в день проходили! Обутка, рассказывали, в труху. Тряпками перематывают ноги – и вперед. Ночевали под открытым небом. А дело весной было. Бабка мамкина вспоминала:

через реку переправляться сунулись вброд – тонуть начали. Вода ледяная! Отец ее, пока детишек на руках выносил да утварь домашнюю спасал, застудился. В дороге и помер. А как до места добрались – первым делом землянок нарыли, целину распахали, отсеялись, потом дома взялись рубить. Ты нынче много мужиков знаешь, кто дом сумеет поставить? Да ладно – дом! Землянку бы вырыли – и то хорошо... А наши?! Не успели обжиться на новом месте – тут тебе революция. Следом – Гражданская. Мужики, после того как колчаковцы пришли да деревню пожгли, в партизаны подались. Слава богу, все живы остались. Прадед, правда, после ранения всю жизнь с рукой маялся, прямо как Мишка наш. А потом коллективизация. Тоже хватили лиха. И вот вроде все наладилось, вроде жить начали по-человечески... Тут опять война – Отечественная! Мужики – на фронт. С фронта вернулись – хозяйство восстанавливать надо, хлеб сеять... Я к чему это все? Вот ведь порода была – и воевать, и работать горазды! Дом ли поставить, скотину обиходить, хлеб ли вырастить. И рыбаки, и охотники. На все руки мастера. Не то что нынешние. А детей – детей сколько в семьях было!.. И возьми сейчас. Помню, когда Митяйка мой подрос, я только заикнулась своему, что хорошо бы второго, пока молодая. Так ему, бедному, аж поплохело. Это ж ответственность, говорит, какая! Одного бы прокормить! По телевизору только и слышно: демография в стране хуже некуда, рождаемость падает. Думаешь, бабы рожать не хотят? Мы-то родим. Так его ж еще на ноги поставь, в люди выведи. А мужикам оно надо? Ответственности они, видишь ли, боятся! А деды наши ничего не боялись. Можешь ты себе представить, чтобы сейчас вот так сорвался кто – и на другой конец страны, на пустое место? Своим ходом, да с семьями? Да чего далеко ходить, ты погляди вокруг! Сколько земли заброшенной – и никому дела нет...

Люська с остервенением сдернула с головы платок. По всему видать, наболело у бабы.

– Чего молчишь?

– Да, Людмила... Тяжело, однако, за весь мужской род ответ держать, – качнул головой Игорь Иванович. – Припечатала. Нечего сказать.

– Да уж ответь что-нибудь!

– Ну хорошо. Вот ты говоришь: поразбежались мужики, земля брошенная... А сама Митьку своего на город настраиваешь. Деньги на институт копишь. Так?

– Коплю! – с вызовом ответила Люська. – А какая мать не хочет, чтобы ее ребенок в достатке жил? Тут-то какой достаток... всю жизнь в навозе копаешься, жизни не видишь. Государству-то мы шибко нужны? Колхоз развалили. Школу и фельдшерский пункт закрыли – в Легостаево теперь таскаемся. Перекупщики, паразиты, ездят – мясо за бесценку скупают. А ты видел, сколько оно в магазине стоит? А молоко? Вот и получается, рабочему – полтина, а нарядчику – рубль! Мы ж для них не люди, а так, – она мотнула головой, – трава на обочине. Затоптали – и не заметили.

Люська всхлипнула.

– Ты прости меня, Людмила, – растерялся Головин. – Я ведь не в осуждение... – Он с трудом подбирал слова.

– Да это ты меня прости, Игорь Иванович. И чего я на тебя накинулась? – Люська виновато улыбнулась. – Разбередил ты мне душу расспросами своими про бывшего. Давай банку-то. Налью парного.

* * *

Так, прежде городской до мозга костей житель, Головин проникался мало-помалу заботами и нуждами сельчан. И не переставал удивляться. Одна страна вроде. Один народ. Два часа езды на электричке – а какая разная жизнь, какие разные проблемы! Сноха вон страдает, что в этом году в Турцию слетать не получится: доллар вырос. А у Люськи Печенкиной голова болит, чем скотину кормить. Внук старший ноет: айфон бы ему последней модели, у всех однокласс-

ников уже есть. А Митька до школы, что в соседней деревне, полтора часа пешком добираться. Свою-то, в Растеряеве, закрыли давно. Или Михаила взять. Не из-за жалких же семи тысяч он на ферме надрывается. Прожил бы на свою пенсию.

Так что же тогда держит этих людей здесь? Что не дает им бросить все и найти себе местечко потеплее? Так примерно размышлял Головин, и становилось ему отчего-то стыдно. Отчего и перед кем стыдно?

* * *

Вечерами в гости заходил Михаил. Днем-то он на ферме пропадал. Игорь Иванович соседу был рад. Всегда веселый, энергичный, Мишка оживленно принимался рассказывать последние деревенские новости. О том, что Флянтиков, хозяин фермы, опять, болван, не те корма закупил. Что Саврасиха сегодня с крыльца навернулась. Ребятишки соседские прибежали, говорят: встать не может. И пришлось среди рабочего дня все бросить и мчаться со всех ног оказывать неотложную помощь. Люська – та, бестолочь, спину сорвала. Уголь привезли, так она – одна! – его весь в углярку перетаскала.

– Вот куда? Говорил же, что помогу. Нет! Нейдется ей. Надо упластаться! – горячился Михаил.

До всего ему было дело. Обо всем была забота.

Иногда Мишка приходил с другом, Вовой Лиходеем.

– Лиходей – это кличка или фамилия? – поинтересовался Игорь Иванович, услышав о Вове впервые.

– Это, Иваныч, натура. Познакомишься – поймешь.

Вова, действительно, оказался ходячим недоразумением. Дня не проходило, чтобы с ним не случилась какая-нибудь неприятность. И всякий раз из передрыг вытаскивал его Мишка, потому что сам Вова, несмотря на устрашающее прозвище и внушительную наружность, был беспомощен, как ребенок, и ласков, как теля. Более добродушного человека, чем Лиходей, во всей округе не сыскать. Но, где бы он ни появлялся, повсюду его сопровождали беды, напасти и всяческое неблагополучие. К чему бы ни прикладывал руки – неизменно случалась потрава, урон и разорение. Реабилитировать непутевого товарища в глазах сельчан, исправляя его «косяки» и компенсируя причиненный ущерб, опять же приходилось Михаилу.

Помимо тотального невезения отличало Вову и редкое в наши дни нестяжательство. Последнее с себя готов был снять и отдать первому встречному, чем не упускали попользоваться все кому не лень. К тридцати годам ни дома не нажил своего, ни хозяйства, что созданию семейной жизни, разумеется, никак не способствовало. И потому жил Вова с семьей сестры. Все, что зарабатывал на лесопилке, тратил на племянников. «У Вовы в кармане одна вошь на аркане, – насмехались над ним деревенские невесты. – А в другом – блоха на цепи!»

Вскоре и Головин оказался невольным свидетелем очередного Вовиноного злключения.

Вызвался тот баньку Саврасихе поправить. Ну, как поправить... Там делов-то всего ничего – окошко заменить. Косяки оконные сгнили совсем. Михаил уже новые сделал и раму к ним, осталось по месту установить. Только сам он последнюю неделю на ферме зашивался, а Саврасихе приспичило: вынь да положь!

Бабка, конечно, понимала, что сильно рискует, но, видать, рассудила так, что дело-то пусяшное и навредить Вова при всем желании не сумеет.

Но на то он и Лиходей!

Надо отметить, что банька у Саврасихи была едва ли не древнее ее самой. Шлаколитая, под тесовой крышей. Шлак со временем местами выветрился, а вокруг окошка так и вовсе посыпался: щели в палец толщиной! Естественная вентиляция, короче, образовалась.

Вова к делу приступил с энтузиазмом. От выдерги, предложенной Саврасихой, снисходительно отказался и, пригнувшись, решительно шагнул в предбанник. Вскоре в окошке замаячила его сияющая физиономия. Глядя на Головина, он сделал успокаивающий жест: дескать, будь спок! Щас все будет! Ухватился ручищами за оконные косяки – и со всей дури рванул на себя.

Что произошло дальше, Головин с бабкой не сразу сообразили. Раздался страшный грохот, над банькой взметнулся столб пыли. И в неожиданно образовавшемся проеме они в полный рост увидели присыпанного шлаком Вову – с вытянутым лицом и оконным коробом в руках. Со стороны можно было подумать, что в несчастную Саврасихину баньку попал невесть откуда прилетевший снаряд.

Пока Головин оценивал масштабы разрушения, Вова на полусогнутых ногах вышел наружу, бережно прислонил короб к уцелевшей стене и, ни слова не говоря, припустил со двора. Вслед ему неслись проклятья Саврасихи. Фронт работы на ближайшее время Михаилу был обеспечен.

Мишка каждый раз костерил своего непутевого приятеля на чем свет стоит, но при этом относился к нему с трогательной отцовской нежностью и заботой. Деревенские знали: если вдруг кто позволит себе Вову обидеть, дело будет иметь с Михаилом.

Когда друзья вместе прохаживались по деревне, выглядело это забавно. Вова – долговязый, мосластый и нескладный – шагал широко, размеренно, размахивая на ходу огромными клешнями. Каждая ладонь что твоя лопата! А рядом, едва поспевая за ним, припрыгивал Мишка – невысокий, поджарый, пружинистый. Скроен он был по-мужски ладно, и даже хромота его не портила. Головин, как-то раз моясь с ним в бане, подивился, что тот, шуплый с виду, оказался мускулистым, жилистым. Под левой его лопаткой Игорь Иванович заметил след от пули. Ноги все осколками посеченные. Рука шрамами исполосована. Одним словом, живого места на парне не было.

Иногда Головин с Михаилом заходили к Саврасихе. Бабка подслеповато шурилась, изображая радушие:

– Проходите, проходите, помощнички дорогие... Уж как бы я без вас...

– Да как-как? Замухоморилась бы совсем! – с порога подзуживал ее Мишка.

Бабка обиженно поджимала губы. Пока сосед таскал воду в баню, жалобно вздыхала, глядя на Головина:

– Охо-хонюшки-хо-хо...

– Что такое, Анна Григорьевна? – участливо интересовался Игорь Иванович.

– Помру я скоро, милоч, как есть помру!

Она опускала глазки, наблюдая исподтишка за его реакцией.

– Да ну что вы, Анна Григорьевна! С чего это помирать-то собрались?

– Сон плохой видела, милоч. Не иначе на Яблочный Спас и преставлюсь.

Саврасиха сквашивала скорбную физиономию и заводила привычный, доставлявший ей странное удовольствие разговор обо всех почивших в последнее время жителях деревни. Головин спешил найти уважительный повод, чтобы улизнуть во двор:

– Пойду Михаилу помогу...

Мишка топил баню.

– Чего она там? Жалуется? На меня небось?

– Помрет, говорит, скоро.

– Ага, щас! Да она нас с тобой переживет. Вот до чего ж хитрая бабка! Я, говорит, Мишенька, не вижу совсем ничего. А тут как-то на днях печку ей чищу, а сам боковым зрением секу: сидит она – скучает! И от нечего делать палкой своей ромбики на ковре у ног обводит. Ро-о-овнехонько так! Щеколда старая.

– Нехорошо так о пожилом человеке, Миш.

– Да она ж ведьма! К ней бабы наши все гадать бегают. Она тебе если вдруг предлагать чего будет – водички там попить, – ты не вздумай!

– Неужто отравит?

– Зря смеешься. Мужик ты еще ничего так. Бабы наши на тебя заглядываются. Смотри... Надумает тебя кто приворожить – Саврасиха тут первая помощница.

– Ну что ты на человека наговариваешь?

– Я наговариваю?! – Мишка задохнулся от возмущения. – Плохо ты ее знаешь! Тот еще персонаж... Прикинь, что она мне тут недавно заявила. «Я, – говорит, – Миша, как помру, так ты мне в гроб очки положи. Смотри не забудь!» – «На что, – интересуюсь, – тебе, бабка, очки на том свете? Дорогу в царствие небесное боишься не найти?» А она мне ласково так: «Положи, Миша. А не то я тебе, сопля свинячья, во сне являться буду». Нет, ты понял?! Это мне вместо благодарности! «Это как так – являться?» – удивляюсь. «А помнишь, – говорит, – деда Митрия из Легостаева? Лет пять назад помер. Седенький такой. С костыльком все ходил». – «Ну, помню», – отвечаю. А она мне ехидно так: «Хорошо, что помнишь. Так вот... Он, как помирал, попросил жену свою, Варьку, в гроб костыль его положить. А та, тетеха, забыла». – «И что?» – спрашиваю. «А то, – объясняет мне Саврасиха, – что в первую же ночь и явился старчик!» Во, думаю, заливаешь бабка! А сам, значит, дальше выпытываю: «Костыль, что ли, требовать?» – «А то зачем же?» – гнет свое Саврасиха. «И чего жена?» – интересуюсь. А она мне в ответ: «Ну чего... Давай каяться да прощенья просить. Хорошо, старик невредный был. Простил. Велел только костыль ему передать». О как! Новый поворот! Спрашиваю опять: «Это как же так – передать?» А Саврасиха: «Через месяц, сказал, в соседней деревне баба помрет. Вот с ней передать и наказал». – «В смысле? – смеюсь. – Бандеролью?» А она мне: «До чего ж ты, Михаил, умом слаб. – Мишка смешно передразнил Саврасиху. – В гроб ей положить!» Интересное кино получается. Я опять с вопросом: «Так че? Жена прям так в соседнюю деревню и поперлась? С костылем?» Саврасиха поморщилась и отвечает мне: «А то как же? Съездила. Аккурат в тот срок, как Митрий и указал. И в самом деле там баба померла». Во дела! «А родные-то, – удивляюсь, – не возражали, когда она костыль в гроб пихать начала?» А она мне, старая перечница: «Так люди ж с понятием. Не то что ты. Сообразили: ежели откажут – дороже будет. Дед же им покою не даст! Так что ты, Миша, очки мои не забудь. Не забудь!..» Мишка потряс скрюченным пальцем, вновь изображая Саврасиху. «Не сомневайся, – говорю, – бабка. Положу». А куда, Иваныч, деваться? Она ж, ведьма старая, и впрямь припрется. Я ее знаю!

– Интересная у вас дружба получается, – от души посмеявшись, заметил Головин. – Все время в контрах, а сам помогаешь ей.

– Ну а как не помочь? Соседи все ж таки. Она хоть бабка противная, но... Знаешь, как говорят? Всякая живая душа калачика хочет. Ладно. Пошли.

* * *

И вот так день за днем, неделя за неделей... Не успел Головин оглянуться, а лето, считай, пролетело. На календаре август. Пора домой собираться: занятия в школе на носу. Хотя в последнее время все чаще и чаще стал он подумывать: а не уйти ли ему с работы? Все нервы поистрепал в школе. Нет, в самом деле? Здоровье дороже. В крайнем случае учеников можно взять – к экзаменам готовить. Чего время тратить на тех, кому история не нужна?

«Проживем!» – думал он.

Незадолго до его отъезда Михаил решил организовать не раз обещанную охоту. Да тут, как на грех, с Игорем Ивановичем неприятность случилась: ячмень, будь он не ладен, выскочил. Просифонило, видать, где-то. Глаз отек, еле открывается. Болит, чешется. Какая уж тут охота? Попробовал мазь прикладывать – Люська поделилась – толку никакого. И болячка-то вроде пустяковая, а измучился – сил нет.

– Пойдем, Игорь Иванович, к Саврасихе. Она враз заговорит. Чего мучиться-то? – утешала его Люська.

– Люда! Я заслуженный учитель России. У меня сорок лет педагогического стажа. И ты хочешь, чтобы я, человек с высшим образованием, потащился к темной бабке ячмень заговаривать? Молодая, современная женщина! Ну как не стыдно? Ты смеешься надо мной?

– Знаете что? – обиделась Люська. – Смех смехом, а вот когда Митька у меня в полгода грыжу пупочную наорал себе, так врачи сразу сказали – оперировать. А Саврасиха вправила. Без всяких операций. Соседка моя, Наташка, тогда тоже надо мной смеялась. С ее пацаненком такая же беда приключилась. Только вот она его под нож положила, а мы так обошлись! Саврасиха, помню, пробочку резиновую от пенициллинового бутылечка в пупок ему вставила, сверху монету пятикопеечную, советскую еще, пластырем все это крест-накрест заклеила. И что ты думаешь? Как не бывало грыжи-то! Сходи-сходи, Игорь Иванович! От тебя не убудет.

– И правда, Иваныч, – подключился Мишка. – У меня вот как нога на непогоду разболится, так я разве что на стену не лезу. Спасу нет! Никакие таблетки не помогают. А Саврасиха компрессами своими вонючими ногу мне обложит – и как рукой всю боль снимает. Точно тебе говорю!

– Да отстаньте вы от меня! Что за мракобесие такое? Я же себя уважать перестану после этого.

– Ну и мучайтесь дальше, – обиделась Люська. – Нечего тогда жаловаться.

– Заговаривать не дам, – подумав, объявил Головин. – Вот если она травками какими полечит, примочками – это пожалуйста. Фитотерапию пока еще никто не отменял.

– Да какая там фитотерапия? – отмахнулась Люська. – С ячменем-то? Пошепчет немного бабка да поплюет в глаз. И всего делов! Она меня не раз так пользовала от этой заразы.

– Поплюет?! – Игорь Иванович аж задохнулся от возмущения.

Мишка зашелся в хохоте:

– Не, тут ведь как, Иваныч? Тут, главное дело, навык должен быть хорошо отработан. В глаз-то еще попасть надо! А Саврасиха, боюсь, сослепу промахнется. Тот еще ворошиловский стрелок! Опять же у нее слюна, стопудово, ядовитая, с таким-то характером. Я предлагаю, Иваныч, все-таки к окулисту.

– Вот и я говорю: к окулисту! – обрадовался тот.

– Конечно, – продолжал Мишка. – Я считаю, в глаз плевать профессионал должен. У него как-никак диплом!

– Да ну тебя! – психанул Головин.

Ему было не до шуток.

– Ну, не хотите, чтобы плевала, она по-другому полечит. Чего вы катыритесь?¹ – снова встряла Люська.

Короче, уговорили. Болезного, понятное дело, вызвался сопровождать Михаил.

В сенцах у Саврасихи было тесновато – вдвоем не развернуться. По углам развешаны пучки сушеной травы, какие-то коренья, под потолком нитки с грибами. Сбоку, у входа, лавка, а на ней большущая эмалированная кастрюля с квасом. Мишка зачерпнул ковшиком, приложился, смачно крякнул: хорош квасок! Головин, недовольно хмурясь, ждал, когда тот напьется. Поставив ковшик на место, Михаил постучал в дверь и вошел в дом.

– Здорово, хозяйка! Как жизнь молодая?

Саврасиха сидела за кухонным столом у окна и перебирала ягоду.

– Ишь, – подмигнул Головину Мишка, – зрение у нее плохое. Даже очки не надела.

¹ Катыриться (*местн.*) – упрямяться, вредничать.

В доме пахло лампадным маслом, пареной тыквой и еще чем-то приторно-сладким. Полы были устланы домоткаными половиками, на окошках – голубенький в мелкий цветочек ситчик, на полках буфета – белоснежные вязаные салфетки.

Михаил потянул за рукав мявшегoся у порога Головина.

– Вот, бабка, привел к тебе пациента, – без предисловий начал он. – Только ты того... В глаз ему плевать не могли. На это он не согласный! И вообще, может, у тебя слюна какая заразная. Ты анализы давно сдавала?

Саврасиха недобро, исподлобья посмотрела на Михаила:

– Мели, Емеля, твоя неделя.

Она тяжело поднялась из-за стола, кряхтя и переваливаясь, подошла к Игорю Ивановичу. Отерев руки о фартук не первой свежести, ухватила его за подбородок.

– Ты бы, бабка, хоть руки помыла! – возмутился Мишка. – А то, понимаешь, никакой гигиены...

– Да замолкни ты, балаболка безголовая! Пошли, милок, на свет. А этого пустобреха не слухай.

Игорь Иванович прошел в зал и присел у окна на облезлую, обитую дерматином табуретку, с опаской следя здоровым глазом за манипуляциями Саврасихи.

Бабка зажгла свечку перед иконами, помолилась и подошла к Головину. Наклонилась к его лицу и, скрутив кукиш, принялась водить им прямо перед большим глазом. Водит кругами, а сама что-то бормочет себе под нос. Прислушавшись, Игорь Иванович с трудом разобрал: «Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то и купишь...»

«Стыдоба-то какая! – страдал он про себя. – Хорошо, хоть Тамарка не видит. Со свету бы сжила насмешками своими. Вот до чего отсутствие цивилизации доводит!»

Бабка тем временем продолжала что-то бухтеть и вдруг резко сунула ему фигу под самый глаз. Игорь Иванович от неожиданности откинулся головой назад и саданулся затылком об оконный косяк.

– Может, компресс какой из травок все же или мазь, Анна Григорьевна? – потирая ушибленное место, со стоном взмолился он.

– Сиди уж, – махнула на него Саврасиха. – У самого полпрожи заплыло, а туда же: учить меня вздумал! Еще спасибо скажешь. Назавтрева все пройдет. Ступай себе с богом.

– И правда, Иваныч, че тебе – жалко глазу фигу показать? – гоготнул Мишка.

– А ну, чешите отседова! – уже не на шутку разозлилась Саврасиха.

– Может, я вам должен чего, Анна Ивановна? За лечение, – постарался сгладить ситуацию Головин.

– Свечек мне купишь, как в город поедешь. У церкви. И будет с тебя, – отмахнулась бабка.

Выйдя со двора, Мишка хлопнул Игоря Ивановича по плечу:

– Ну все, Иваныч, назавтра от твоего ячменя и следа не останется.

– Да ну тебя, Михаил.

– Вот зря, зря ты Саврасихе не доверяешь! Она у нас, считай, заместо фельдшерского пункта. И грыжу вправит, и ребеночка примет, если кому приспичит, – до роддома-то сто кэмэ. И простуду, и другую какую хворь снимет. Она вообще бабка непростая.

– В каком смысле?

– А ты знаешь, что она в лагере сидела?

– В каком еще лагере?

– Ну не в пионерском же! Я от родителей слыхал: они с мужем приехали сюда в пятидесятых. А до этого лес валили на северах. Там и познакомились.

– А за что сидела?

– Да я толком не знаю. Одни говорят, за то, что во время войны, в оккупации, полы у немцев в комендатуре мыла. Другие – за то, что солярку списывала, когда в гараже работала. Это уже после войны. Кто знает? Но бабка непростая, точно тебе говорю. Ей палец в рот не клади. В прошлом году, помню, Флянтиков бригаду нанял – ферму подлатать. А шабашники – сразу видно, что из этих... из сидельцев. На озеро купаться пришли, разделись – синие все, расписные. И рожи соответствующие! Ну так вот... Раз они на «газельке» своей неаккуратно развернулись на нашей улице, забор-то Саврасихе и повалили. Я к «бугру» их сунулся: дескать, поправить надо бы. А они на меня как поперли! Думал, хана. Куда я один против шоблы такой? Тут, на мое счастье, Саврасиха, божий одуванчик, за ворота как раз выползла. К пахану их подволокла и на ушко ему что-то шепнула. Потом развернулась и почапала себе потихоньку домой. И что ты думаешь? Тот как заржет – и вслед ей: «Ну ты, мать, даешь! Сильна!» Своим головой кивнул, те инструмент похватили – через полчаса забор как новый стал. А ты говоришь... То-то, брат!

На следующий день ячмень у Головина и впрямь прошел.

– А я что говорил? – обрадовался Мишка, заскочив к нему вечером после работы. – Саврасиха лучше любого профессора. Зря сомневался!

Игорь Иванович только в затылке почесывал, пытаясь найти разумное объяснение своему нечаянному выздоровлению.

– Ну что? На охоту-то идем? – Мишка довольно потирал руки.

– А как же!

– Лады! Я тогда к Люське заскочу сегодня, горячим подзатарюсь. У нее знаешь какая самогонка? У-у-у!

Головин поморщился. Михаил заметил это и, улыбнувшись, поддел его плечом:

– Да ладно тебе, Иваныч! Ты прям как гаишник – все унюхать норовишь. На охоте можно. Мы ж чисто по ностальгии, так сказать. По тихой грусти...

За эти несколько месяцев Головин прикипел душой к своему соседу. И все бы хорошо, но с момента их знакомства Михаил трижды уходил в глубокие недельные запои. Помешать ему в этом не представлялось никакой возможности. Завязав, он дня три ходил мрачнее тучи, на глаза Игорю Ивановичу старался не попадаться. Целыми днями с остервенением драил полы, мыл посуду, стирал... Словом, приводил свое запущенное за период обильных возлияний хозяйство в надлежащий вид. А затем все возвращалось на круги своя: Мишка носился по деревне, помогал Саврасихе, чихвостил Вову Лиходея, ругался с Флянтиковым...

Головин не раз пытался наставить Мишку на путь истинный. Да все впустую.

– Ты ж рукастый мужик, и голова варит как надо! А последнее здоровье пропиваешь, – увещевал он соседа.

– Тоска меня, Иваныч, заела. Тоска зеленая. Можешь ты это понять?

– Да с чего тоска-то?

– Смысла жизни нет! Понимаешь?

– Женился бы на Люське, детишек бы нарожали. Вот и был бы тебе смысл.

Михаил невесело усмехнулся:

– Иваныч, ты глянь на меня. Я ж инвалид. Какие дети? Родить – дело нехитрое, а поды-мать кто будет?

– Знаешь, как говорят? Бог дает детей – даст и на детей.

– Да я не про то. Я, может, загнусь не сегодня завтра, а Люське одной корячиться? Ей вон Митьку своего бы вырастить, выучить.

– Да что это за разговоры такие? – возмутился Головин. – «Загнусь»...

– А... – отмахивался Мишка. – Вот на войне у меня смысл был. Когда пацанов своих из ущелья выводил, когда прикрывал, вытаскивал... Был. А здесь...

– Ну а как же другие-то живут?

– Да че мне другие?! – тут же заводился Михаил. – Другие с утра до вечера деньгу заколачивают, чтоб жрать побольше да пить послаще. А мне неинтересно. Можешь ты это понять? Не же-ла-ю! Вот ты, Иваныч, зачем живешь?

– Спросил! – растерялся Головин под его напором.

Он в последнее время и сам задавался тем же вопросом.

– Я детей учу. Сына родил. С женой мы сорок лет бок о бок. И вообще, Михаил, не нашего это ума дело. Дал тебе Господь Бог жизнь – живи! Ему видней – для чего.

– Так я, может, то, для чего предназначен был, все там исполнил. – Мишка мотнул головой куда-то в сторону. – А сейчас – так... небо зря копчу.

– Погоди, а как же отцы наши? Деда? Таковую войну отломали! У меня отец без ноги с фронта пришел. И сразу на завод...

– Сравнил! Они страну восстанавливали.

– Вот и ты восстанавливай. Что, в деревне восстанавливать нечего? Ферму ту же.

– Для кого? Для Флянтикова? Чтоб он себе еще один «лексус» купил?

– Ну, не знаю... Должен же кто-то строить, лечить, учить... Государство кто-то должен наше укреплять?

– Я это государство укреплять не желаю! Лечить? Вон по телевизору всем миром детишкам на операции деньги собирают. «Отправьте СМС – не то помрет ребенок...» Я и отправляю. И Люська со своей смешной зарплаты отправляет... Это ж надо! Люди грошами своими жалкими делятся, а у государства, значит, денег нет. У нас что – война? Разруха? Ты посмотри телевизор, глянь, как чиновники наши жируют. Ведь воруют будто не в себя! Твари! И откуда оно только повывлазило, охоботье это? А ты хочешь, чтобы я на них ишачил? Хребтину гнул?

– Да ты ж воевал за это государство!

– Воевал! Да! Только это другое... Ладно. Все. Свернули тему, – обрывал Головина Михаил.

Разговор на этом обычно заканчивался.

* * *

Надо сказать, что все то время, пока Головин обретался в Растеряеве, чувствовал он себя вполне сносно. Про болячки свои почти забыл. Жена по-прежнему звонила каждый день, беспокоилась, грозилась приехать. Но тут Игорь Иванович был категоричен: нет – и все. Идиллию свою деревенскую нарушать ни в какую не желал. Тамарка приедет – разведет здесь активную деятельность. Командовать начнет, заботиться... Не-не-не! Не для того он сюда сбежал. На свежем воздухе да на парном молоке, да без колготы городской Головин окреп и даже, как ему казалось, помолодел. Плечи распрямились, походка стала пружинистой. Бородку отпустил! Не без удовольствия замечал, что бабы деревенские и впрямь вслед ему оглядываются. Не соврал Мишка!

– Слышь, мать, отец-то в затвор ушел, не иначе, – намекая на его бороду, посмеивался сын Алексей во время редких домашних побывок Головина. – Удалился от суеты нашей мирской.

– Это еще посмотреть надо, в какой он там затвор ушел, – ревниво посматривала на мужа Тамара Николаевна, отмечая про себя, что тот, действительно, стал выглядеть не в пример лучше прежнего.

– Вы и в самом деле, Игорь Иванович, на себя не похожи, – вставила свое слово и сноха. – Умиротворенный да благодостный, прямо завидки берут. Тут как белка в колесе, головы поднять некогда. А вы – гляди-ка...

Головин улыбался в бороду, тетешкая на коленях младшего внука.

– Тамар, а ты в храме нашем бываешь? – поинтересовался он у жены.

– Да захожу по праздникам. Кто еще за вас, непутевых, свечку поставит?
– Как там лавка церковная работает, интересно?
– А тебе зачем? – удивилась жена. – Ты что, и правда в религию ударился? Бороду вон отпустил...

Мать с сыном переглянулись.

– Да свечей мне купить надо. Саврасиха попросила, соседка моя.

Вечером Тамара Николаевна делилась своими переживаниями с сыном:

– Ох, Алексей, беспокойно мне!

– Да чего ты волнуешься? Отец, слава богу, оклемался.

– Вот чего он там все лето делает? Один... Или не один?

– Да ты не ревнуешь ли?

– Может, и ревную! Я на него молодость положила. Все для Игоречка! Только он да работа. Подруг за всю жизнь не нажила. А он – ишь... На старости лет свалил из дома. Да еще при этом цветет и пахнет! Не нужна, значит, стала?

– Да ладно тебе, мать. Куда он без тебя? – успокаивал ее сын. – Ты вспомни, какой он весной был – смотреть страшно. А теперь – гладкий да румяный. Чего тебе еще надо?

Мать была вынуждена согласиться: в Растеряеве муж и правда окреп. И не только телом, но, что не менее важно, и душой. Спокойствие и уверенность сквозили во всем: в походке, взгляде, в разговоре...

«Ну и слава богу», – благоразумно решила Тамара Николаевна.

* * *

За неделю до намеченной охоты Головину неожиданно позвонил бывший владелец дома. Сообщил, что собирается заехать на днях, забрать кое-что из оставленного барахлишка.

«Какое барахлишко? – недоумевал Игорь Иванович. – Дома шаром покати. Разве что в сарайке или, может, на чердаке? Ну да пускай приезжает, не жалко».

– Только имей в виду: мы на охоту собрались в субботу. Ты когда приехать-то хотел?

Узнав про охоту, Гена загорелся, стал уговаривать взять его с собой.

– Ладно, поговорю с мужиками, – нехотя пообещал Головин.

Не нравился ему этот человек. Мутный какой-то.

Остальные тоже к просьбе Поскребыша отнеслись без энтузиазма, да отказать было как-то неудобно. Порешили: шут с ним, пускай идет.

Гена нарисовался на пороге накануне дня охоты, поздним вечером. Головин притащил из сада раскладушку – для себя, а гостю, хоть и незваному, постелил на кровати. Поскребыш не отказался, принял как должное. Он вообще вел себя по-хозяйски. Сам поставил чайник, порылся в буфете. Осадить бы его, да проклятая интеллигентность мешала. И Головин поспешил отправиться на боковую.

Лежа в темноте, ворочаясь под храп Поскребыша, он пытался представить себе, как тот когда-то рос, вырослел в этом доме. Делал уроки за круглым столом, помогал отцу по хозяйству, ластился к матери...

Нет, не получалось!

Поутру охотники собрались у Мишкиного дома. Вскоре на стареньком уазике к воротам подкатил местный егерь – Макарыч.

– Мы что, на этой колымаге поедим? – поморщился Гена.

– Можем на твоём крузаке, – хмыкнул Михаил.

– Все, мужики, грузимся! – Макарыч открыл багажник.

– Лиходея нет, – сообщил Мишка.

– Как обычно, – не удивился егерь.

Пока укладывали ружья, провиант и разное охотничье снаряжение, показался Лиходей. В болотных сапогах, в прорезиненном плаще химзащиты. Где только откопал? За спиной ствол. Сам довольный – рот до ушей.

– Это что за чучело? – ухмыльнулся Гена.

Мишка нехорошо зыркнул в его сторону.

– Давай, Лиходей, поторопись! А ты, Ген, – он повернулся к Поскребышу, пожевывая соломинку и с издевкой рассматривая одноклассника, – сколько козлов планируешь взять?

– Как повезет. А что?

– Да, я смотрю, вооружился ты так, будто целое стадо собрался окучить. Куда добычу складывать будем? Прицеп нужен, не иначе.

Мужики с улыбкой переглянулись. На Гене была военная разгрузка. Накладные карманы под магазины на груди и на животе угловато топорщились. Плюс к основному боекомплекту имелся еще полный подсумок патронов. На голове – бандана камуфлированная, на руках – кожаные новенькие перчатки с обрезанными пальцами. Бинобль на груди подчеркивал брутальность образа.

– А это – бинобль-то – на кой? У тебя ж «эсвэдэшка» – того... с оптикой, – искренне удивился Вова.

Ответом его Гена не удостоил.

– Ну все, мужики, двинули! – скомандовал Макарыч.

До охотничьей заимки добрались к полудню. Разгрузились – и вперед. Охота, однако, не задалась. Хорошо, хоть Макарыч подстрелил пяток глухарей. А так бы день зазря прошел.

Обратно на заимку вернулись затемно. Егерь, разведя костер, затеялся с ужином. Мужики развалились у огня. Они уже немного приняли на грудь и пребывали в самом благодушном расположении духа.

– Ну как, Макарыч, долго еще ждать? Жрать охота – сил нет! – Мишка похлопал себя по впалому животу.

– Ниче. Потерпишь!

– А куда у нас Лиходей делся? – Приподнявшись на локте, Михаил беспокойно огляделся. – Где он опять шарохаётся?

– До ветру, наверное, пошел. И чего вы парня всякий раз шпыняете? – с осуждением заметил Головин.

– Так его не шпынять – он тебе всю охоту угробит! – тут же с пол-оборота завелся Мишка. – Ты за ним, Иваныч, присматривай. Я тебе серьезно говорю. У нас же ни одна охота не обходится без приключений. Лиходей – он и есть Лиходей! В прошлом году вот так же вчетвером – с нами мужики из соседней деревни еще были – на козлов собрались. Тоже на узике. Едем. Уже смеркаться начало, но мы фары не включаем – стережемся. И тут смотрим, метрах в двухстах от нас – стоят! Пять штук, как щас помню. Мы мотор заглушили – не спугнуть бы. Я «эсвэдэшку» свою расчехлил и окошко ти-и-ихо так опускаю, прицеливаюсь... Тут этот тип, Лиходей проклятый, за пукалку свою хватается и дверь расхлобучивает. А как дверку-то откроешь – в салоне свет загорается! Понял Вова, что спалил нас, и решил, видать, положение поправить – дверкой обратно как долбанет! На всю округу грохот. Козлы в разные стороны! А этот сидит и в окошко без интереса так смотрит – вроде не при делах он. Не, ну не вредитель, а?

Он дождался, пока мужики прохочутся.

– А самое главное, Иваныч, у него ж двустволка! Картечью заряженная. Она ж максимум метров на шестьдесят берет. Смысла стрелять – ну никакого!

– Все равно, Миша, очень уж ты непедагогично с ним, – посмеиваясь, возразил Головин.

Тем временем из-за деревьев к костру вышел и сам Лиходей.

– Легок на помине! – улыбнулся Макарыч.

Вова что-то нес в пригоршнях. Пошатываясь, подошел к костру, склонился над котелком.

– Э-э-э! – осадил его Мишка. – Ты чего туда сыпать собрался?
– Грибочков... – Лиходей пьяно улыбался.
– Каких еще грибочков? Ну-ка, покажь! – Михаил подскочил к котелку. – Етить-колотить! Ты нас отравить вздумал?! Мужики, – нет, вы гляньте, – этот деятель нас извести решил!
– Так сыроежки же... для вкуса... – жалобно промямлил Вова.
– Для вкуса, говоришь? Бледных поганок? И ты тоже, – он зыркнул в сторону егеря, – кашевар хренов! Следи за котелком-то! Тут вишь какие околачиваются рядом? Только бдительность потеряешь, он тебе не только поганок – он тебе дусту насыплет!
– Ну-ка... – подошел Макарыч, вытянул из разлапистых Вовиных ладоней гриб. – Емое... – И оттащил Лиходея от костра.

– Лежали бы тут пять трупов. Капец! – не мог успокоиться Мишка. – А ты, Иваныч, говоришь... Какая тут педагогика? Тут никакой Макаренко не поможет. Вова – это ж хуже любого диверсанта. Только отвернись!

Среди ночи Головин проснулся. Тихонько, чтоб не побудить мужиков, выбрался из душевой хижины, присел на порог. Поеживаясь от ночной прохлады, он с наслаждением вдыхал сырой таежный воздух, налитый незнакомыми, пьянящими запахами. С детским восторгом разглядывал острые, блестящие, запутавшиеся в густых ветвях кедровых звезды. Затаив дыхание, вслушивался в таинственные звуки ночной тайги.

Наконец, озябнув, он поднялся и вернулся в дом. Осторожно пробрался между спящими товарищами к лежаку. Прежде чем заснуть, долго лежал с открытыми глазами, упиваясь волнующим ощущением причастности к чему-то первородному, изначальному, коренному.

С утра, плотно позавтракав, выдвинулись. Охотники серьезно нацелились добыть козлов. Не успели встать на номера, как Головин услышал по рации: «Мужики, на вас идут восемь штук. Ждите».

Игорь Иванович замер. Сердце в груди часто бухало. Он даже вспотел от напряжения. Вот ведь! Никогда в жизни ружья в руках не держал, а тут вдруг такой азарт охотничий его охватил. Не иначе гены. Дед, рассказывали, знатным охотником был – на медведя с рогатиной хаживал. Эх, не промахнуться бы! И хотя Мишка инструктаж по всей форме провел, да и по банкам целую неделю за деревней стреляли, а все ж волнительно.

Головин залег за поваленной березой, а за сосенкой, метрах в тридцати, Вова схоронился. Вскоре за деревьями мелькнули обещанные егерем козлы. Вот они, голубчики! Головин прицелился... И тут прямо перед ним из кустов выскочил заяц. Игорь Иванович и охнуть не успел, как рядом прогремело несколько выстрелов подряд. Заяц – в кусты. Козлов как ветром сдуло.

Сплюнув в сердцах, Головин подошел к стрелку.

– Промахнулся! – Лиходей сокрушенно рассматривал ружье. – Видать, это... Непристрелянное!

– Вова... – Головин старался говорить максимально спокойно, насколько, конечно, позволяла ситуация. – Ты сообщение по рации получал?

– Получал, – утвердительно кивнул Вова.

– То есть ты слышал, что козлы на нас идут? – сдерживаясь из последних сил, уточнил Игорь Иванович.

– Слышал.

– Так какого же лешего, етить-колотить, ты по зайцу палишь? – разом забыв всю педагогику, заорал Головин.

Вова виновато хлопал глазами:

– Так это... Оно ведь как?.. Больше не буду.

– Тьфу!

Головин резко развернулся и, не разбирая дороги, пошагал к мужикам. Лиходей – следом. В кармане у Игоря Ивановича запиликала рация.

– Че так быстро отстрелялись? Взяли хоть одного? – проорал егерь.
– Ага. Взяли. Два раза. Щас Вова перезарядит и еще возьмет. Лиходей хренов! – Головин отключил рацию.

Уже на подходе навстречу им выскочил Михаил:

– Просохатили?!

– А-а... – Игорь Иванович расстроено махнул рукой. – Вова зайцам войну объявил.

– В смысле?

– В смысле: козлы перед нами, а он по зайцу палить принялся.

Лиходей, пряча глаза, виновато переминался с ноги на ногу.

– И что ж ты за недоразумение такое? – Мишка снизу вверх смотрел на Лиходея. – И уродится же такая... – он сверлил его взглядом, – тютя.

– Миш, да я... это...

– Зима – лето! В общем, так: ружье твое я конфисковываю. Пока ты нам тут всех козлов не распугал. Изымаю! Вплоть до возвращения домой. И выношу выговор от всего личного состава. Понял, нет?

– Да понял...

Генка все это время стоял неподалеку. Когда воспитательная беседа была закончена, он зло сплюнул:

– И на фига ты только этого уroda с собой взял? Охотники, мать вашу...

Михаил замер. Затем медленно повернулся и смерил Поскребыша взглядом. Головин похолодел, впервые увидев, как у человека белеют глаза.

– Он, вообще-то, друг мой, – сквозь сжатые зубы, сильно заикаясь, процедил Мишка. – А вот ты...

Он двинулся в сторону Генки. Тот трусовато заозирался.

– Мужики, мужики... – бросился к ним Игорь Иванович, сгреб Мишку за плечи и потащил в сторону.

Того сильно потряхивало. Он долго не мог прикурить. Жадно затянувшись пару раз, похлопал Игоря Ивановича по плечу:

– Все нормально, Иваныч... Все нормально.

* * *

В деревню охотники вернулись ближе к вечеру. Разгрузились у Михаила. Там их уже дожидалась Люська. Она скоренько собрала на стол, сама же отправилась во двор ощипывать птицу.

Разлили по первой. Егерь поднял стакан:

– Ну че, мужики? За охоту!

– За нее, родимую! – подхватили остальные.

Выпив, дружно навалились на закуску.

– Было бы за что пить, – пробурчал Поскребыш с набитым ртом. – Козлов-то прохлопали.

– Да ладно... – Макарыч разлил по второй. – Нормально поохотились. Глухарь – тоже добыча. И вообще... Главное же не результат, главное – процесс! Да, Вов? – Он подмигнул Лиходею.

Тот сконфузился:

– Я ж это... блин... Я ж хотел... А он... эт-т самое...

– Да расслабься, – хлопнул его по плечу Мишка. – Че мы, козлов не видали? Мы этих козлов столько брали... Скажи, Макарыч!

– А то! – согласно кивнул егерь, с аппетитом наворачивая фирменную Люськину яичницу.

– Вот и я говорю! – Михаил приобнял Лиходея. – Шас Люська птицу оциплет, я тебе такого глухаря сварганю! М-м-м... Вот ты, Иваныч, – он повернулся к соседу, – ты знаешь, как глухаря готовят? Не-е-ет... Ты не знаешь! – Мишка уже слегка захмелел и на приятелей глядел с теплотой. – А я тебе расскажу! Вот ежели ты его, скажем, весной взял – первым делом вымочить надо. Он же, как снег лег, всю зиму хвою жрет. И мясо у него, – Мишка поморщился, – хвоей шибко пахивает. А вот осенью – дело другое. Осенью мясо глухаря на вкус приятное, брусникой отдает. Потому как брусника у него – любимое лакомство. А уж перед тем как готовить начнешь, – Михаил назидательно поднял указательный палец, – тушку ломтиками сала нашпиговать нужно. Это уж будь любезен! Глухарь не гусь, своего жира в лесу не нагуливает. Мясо сухое. А как он, голубчик, в духовке окажется – тут, самое главное, соком не забывай поливать. Ну и готовить часа три, не меньше. Так что, други моя, не расходимся! Будете потом всем рассказывать, какого вам Мишка Жданов глухаря заделал! – И он довольно оглядел товарищей.

– Хорошо тут у вас, мужики, – улыбнулся Головин. – Я ж городской. Сколько я раз в лесу-то бывал? По пальцам пересчитать. Да и то в детстве: по ягоды да по грибы иногда с родителями выбирались. А жизнь деревенскую разве что в кино видел. И только сейчас, на старости лет, понял, какая тут благодать!..

– Ага. Благодать... Лето вот закончится – ты в город вернешься, к теплomu сортиру и непыльной работе, – ухмыльнулся Гена. – А скажи тебе здесь остаться насовсем, тогда как? Так-то хорошо про благодать рассуждать.

Головин растерялся от подобного тона.

– А тебе, Ген, как в городе живется? Не скучаешь по родным местам? – попытался сгладить ситуацию Макарыч.

– А по чему скучать? По дыре по этой? В городе у меня квартира четырехкомнатная, дачу в прошлом году достроил двухэтажную. И вообще... Удивляюсь я на вас! Живете здесь, как жуки навозные.

Мужики переглянулись. Очень уж неожиданно, ни с того ни с сего, поменялось настроение за столом.

– А как же ты сам до семнадцати годов тут прожил? – усмехнулся Макарыч.

– Слава богу, хватило ума вовремя свинтить. Я вообще думаю: валить надо из страны этой. Как тут жить можно?

– А мы это... ниче вроде... живем, – расплылся в улыбке Вова. – Иванычу вон тоже нравится. Ага. Все лето здесь с нами...

– Знаешь, Гена, говорят, где родился – там и пригодился. Родина как-никак, – начал Головин примирительно.

– Да ладно, родина... – отмахнулся Генка. – Где тебе хорошо, там и родина, я так считаю. Вот у меня сват в Германии. Так у него пособие по безработице – как у тебя зарплата за полгода. Дом двухэтажный, машина... А ты говоришь: «Родина!» И вообще... Там же Европа! Вот тебе что она, твоя родина, дала? – Он повернулся к Михаилу. – У тебя пенсия по инвалидности какая?

– Мне хватает, – глухо ответил тот.

– Да ладно! Хватает... – ухмыльнулся Генка. – Тебе государство, которое само же тебя в Чечню и отправило, копейки за подвиг твой геройский платит. За то, что ты на всю жизнь инвалидом остался. За то, что баба от тебя, от такого, ушла. А в Америке тебе бы такой пенсион на всю жизнь...

– А я не за государство. Я за Родину воевал. За пацанов своих, что там остались. За русских людей, которых там бросили, а «духи» их резали, как баранов, – сквозь зубы процедил Мишка.

Тут не выдержал Макарыч:

– А что ж ты сам, Геннадий, в Германию не поедешь? К свату своему? Валил бы себе.

– И поеду. В этой стране все равно ловить нечего. – Гена вальяжно откинулся на спинку стула. – Он давно меня звал.

– Я вот не пойму никак, – покачал головой егерь. – Че уж так-то пресмыкаться? А, Ген? У тебя же дед с ними воевал, до Берлина дошел... И не запахло тебе? – Он не отрываясь смотрел на Поскребыша. – А могилы родительские? Не жалко оставлять?

– Ты мне еще про патриотизм расскажи! Родители... Родители сами судьбу свою выбрали. Матери предлагали после института в Москве остаться. Так нет! За отцом в Сибирь, в деревню, потащилась. Декабристка нашлась... И тот тоже! Ну ладно, по распределению сюда загремел. А после-то? Кто здесь держал? Народник, блин... Были бы поумнее, так я, может, сейчас бы уже ого-го где был! – Генка закатил глаза к потолку. – А дед... Дед мой тоже не лучше... У него отца раскулачили, а он за них – вот как наш Мишка – грудь пулям подставлял.

– Миша – он... это... он герой, так-то... Да! – закусился Вова. – А ты от армии косил, блин...

В комнате повисла тягостная тишина. Михаил глядел на Поскребыша исподлобья, нехорошо прищурившись.

– Да ладно... Ты, Миш, не обижайся, – снисходительно проговорил тот, – но ты в самом деле малахольный какой-то. Тебе побрякушку на грудь повесили, а ты и рад. Лучше бы ты...

Поскребыш не договорил. Мишка стремительно метнулся в его сторону, перегнувшись через стол. В руке его была вилка. Если бы сидевший рядом Макарыч не успел его толкнуть, дальше бы Гена вещал без глаза.

– С-сука-а-а! – Михаил бился на полу, вырываясь из рук егеря и Головина. – Сука продажная! Да ты же и мать родную продал... И деда своего продал... Ты же... Ты же... Вражина!

Ошалевшие от неожиданности мужики с трудом удерживали тщедушного Мишку. Наконец тот затих:

– Да отпустите вы меня. Не трону я гниду эту.

Он сел на полу, обхватив голову руками. Мужики молча стояли рядом.

– Шел бы ты отсюда подобру-поздорову, мил человек. – Макарыч легко приподнял тучного Гену за шкварник. И подтолкнул его к выходу так, что тот головой вынес дверь.

– Надо выпить, – заключил егерь, закрыв за Поскребышем и ополоснув руки под ручьомойником.

Сев за стол, молча выпили.

– Миш, а ты это... расскажи... ну, как орден получил, – попросил Вова. – Ты ж это... не рассказывал никогда.

– Да ну, – отмахнулся тот, закуривая.

– Ну правда, Миш, расскажи, – поддержал Лиходея Головин.

– Не тушуйся, Михаил. – Макарыч разлил еще по одной. – Про такое не стыдно рассказывать. Про такое люди знать должны.

Мишка неторопливо пару раз затянулся и притушил окурок о торец покоцанного стола. Мужики молча ждали.

– Наша часть тогда под Бамутом стояла, – начал он. – Разведгруппа приказ получила: район прочесать. Шли всю ночь. Четырнадцать бойцов. На рассвете в ущелье спустились. Идем вдоль ручья. Туман – ни черта не видно! Тут мы и напоролась на них. Командира и еще четверых сразу положили. Мы за автоматы. «Духи» вроде назад оттянулись. Они ж тоже не видят ни шиша, в тумане-то. Откуда им знать, сколько нас? Мы по ущелью рассыпались, окапываемся под огнем. Я с пулемета откусываюсь, не даю подойти. Полчаса с начала боя прошло, не больше – огляделся, а, кроме меня, на ногах никого. Пацаны, кто еще живой, все раненые. Все тяжелые. Ну, думаю, кирдык нам. Вот и все, Мишаня, отгулял ты свое. А «духи»: «Сдавайся, русский свинья!» И такая тут меня злость взяла! Хрена вам, думаю. Своих, кто в живых остался, ста-

щил всех вместе. Залегли за валунами. А «духи» садят из подствольников – крошево от камней в разные стороны! Пацаны перетянулись, перебинтовались как могли. Я отстреливаюсь, а они – кто ленты заряжает, кто мне передает. Ствол греется. Второй пулеметчик-то сразу погиб. Так я от одного пулемета к другому... И тут слышу, Леха, кореш мой, орет дурниной: «Миха, сюда! Миха, ранили меня!» Куда – «сюда»? В тумане не видно ни хрена. Где его искать? И я ж понимаю: убьют меня – всем хана. «Духи» лупят со всех сторон, отстреливаться не успеваю. А тот блажит... Я ему: «Не могу! Давай сам – на голос!»

Мишка помолчал. Мужики не торопили.

– Как он дополз, не знаю. В окоп перевалился. Вместо лица – месиво. Я его перемотал, промедол вкатил. Он, как в себя пришел, тоже давай помогать. Ленту заправляет – глаза стеклянные, того и гляди отключится. Сам тоже чую: бежит по пузу, тельник кровью пропитался уже весь. Понять не могу: куда меня? Не чувствую ничего. И тут вдруг затихли «духи». Слышу: «Пацаны... Свои... Не стреляйте...» Ага, думаю, щас! Мы тогда уже знали, что там у них и наши были, и хохлы... Всякой, в общем, сволочи хватало. «Как, – ору, – командира части зовут?» Тишина. Я – по ним! А у самого уже в глазах двоится. Думаю, перебинтоваться надо. К Лехе обернулся, а над ним «дух» стоит. Видать, в тумане как-то пробрался незаметно. Я его очередью пулеметной срезал, но он все-таки успел – зацепил Леху, плечо ему прошил.

Короче, когда наши подошли, я почти в отключке был. Сразу не поверил, что свои. Продолжал отстреливаться, пока паренек один не побоялся под пулеметом ко мне в окоп пробраться. Ну а после я уже не помню ничего. В госпитале мне потом сказали, что отряд, с которым мы хлестались, триста голов насчитывал, а бой четыре часа шел. И что к званию Героя России меня представили. Правда, со званием пролет вышел.

– Как это? Почему? – удивился Головин.

– Так завернули штабные меня, – усмехнулся Мишка. – Должно быть, решили – не достоин. Хватит с меня и ордена Мужества.

– А в госпитале долго лежал?

– Долго. Сначала вроде ничего, подлатали. А через какое-то время нога сохнуть стала. Сказали, операцию сложную надо делать. Дорогую. Квоты, мол, на десять лет вперед все расписаны. Так мне мужики всей частью деньги собирали. Только благодаря им и хожу. Вот такие дела.

Закончив рассказ, Михаил похлопал себя по карманам, достал сигареты. Головин смотрел на него и пытался представить: как этот парень, с виду совсем не супермен, а в то время и вовсе пацан, против трехсот головорезов выстоял?

...Когда Люська вернулась в избу с опципанными глухарями в руках, изрядно захмелевшие мужики негромко пели:

Служил я не за звания и не за ордена,
Не по душе мне звездочки по блату...

* * *

Перед отъездом Головин зашел к Саврасихе. Попрощаться.

– Ну что, Анна Григорьевна, отбываю я к месту постоянной приписки, – отрапортовал он.

– Да и то, загостился ты, Игорь Иванович! Семья-то уж заждалась небось?

– Ну да... Соскучились, говорят.

– Да от-тож... Удивляюсь я жинке твоей. Мужик цельное лето шаболдается незнамо где, а ей и дела нет. Не показалась ни разу.

– Да это я запретил.

– А что так? Или плохо живете?

– Нормально живем. Просто одному побыть захотелось.

– Ишь ты... – Саврасиха пожамкала губами. – И детки есть?

– И детки есть, и внуки.

– Ишь ты! – опять подивилась Саврасиха. – Чудно живете, молодые. Был бы мой Николай Михалыч жив, рази ж я от него куда делась?

– Хорошо жили?

– Душа в душу. – Саврасиха промокнула кончиком платка уголки глаз. – Только вот ребятишек Господь не дал. Застудилась я да надорвалась... В лагере. На лесоповале. Я ведь зэчка. Слыхал, поди?

– Разное люди говорят, – смутился Головин.

– Ну да... – Она опять утерла глаза. – Чужой рот не свои ворота, не затворишь.

– А за что сидели, Анна Григорьевна? – не удержался он.

– Так убивица я.

Головин опешил. Что угодно ожидал он услышать, только не такое.

– Вижу, не веришь?

Он замялся.

– Да ты не пужайся, – печально улыбнулась Саврасиха. – Я девчонкой тогда совсем была, только школу закончила. В техникум поступать собиралась. Мы с мамкой в Свердловске жили. Папку мово на фронте убило. Война только зачалась, а мы уж в августе похоронку получили. Мамка по первости убивалась. А потом... Сама-то она на заводе работала. Ну и сошлась там с этим контуженым... Это уж после войны. – Она вздохнула. – Пил он. А как напнется – гонял нас. У соседей, бывало, переночуем, поутру домой вертаемся, а он и не помнит ничего. А в тот раз я с танцев пришла, за полночь уже. На крыльцо поднялась, глядь – дверь расхлобучена, а в дому темно. Я поначалу-то не поняла ничего. Слышу только, возня на кухне и хрипит кто-то. Страшно так, со свистом. Я свет зажгла, а там...

Саврасиха вдруг жалобно, по-детски заплакала. Игорь Иванович смотрел на нее потрясенно.

– Гляжу, – продолжила она, – мамка на полу лежит, в крови вся, а он ее сапожищами по голове... Дальше и не помню, как и что. Опамятовалась, смотрю – а у меня топор в руке. Откуда взялся? И этот... рядом с мамкой, на полу... В общем, дали мне десять лет – фронтовика убила! Сначала в лагере, потом на поселении. Там и встретила Николая Михалыча мово. Как освободились, решили на новом месте жизнь начинать. – Она опять всхлипнула. – Мамка моя к тому времени померла. У Николая тоже никого родных...

Саврасиха замолчала, с умилением глядя на портрет мужа, что висел на стене. Очнувшись, добавила:

– А жили с ним, слава богу, хорошо... Хорошо жили. Грех жаловаться.

– И давно он умер, Анна Григорьевна?

– Почитай, сорок годков одна.

– Надо же... И не пожил совсем. Болел чем?

– Не-е... Не болел. На мотоцикле как-то вечером ехал по полю, на кочку наскочил – да головой о камень. Поутру нашли. Вот и кукую с тех пор одна. А ты говоришь, одному побыть... – Старуха вновь задержалась взглядом на портрете мужа. – Он же всю войну прошел, Николай Михалыч мой. В плену побывал. Бежал... Первый раз, как споймали – собаками рвали. Расстрелять хотели. А после войны попустил Господь у своих в лагерь угодить.

– За что его?

– У них в автопарке поганец один бензин сливал, налево приторговывал. Так Коля мой и прижучил его. Силушку только вот не рассчитал – покалечил маненько. А у того сродствен-

ник важной шишкой оказался. Крыса тыловая! Вот так мы и встренулись с ним, с Николай Михалычем моим, в лагере-то.

Игорь Иванович глядел на соседку новыми глазами.

– Надо же, – покачал головой он. – Всю войну пройти – и так обидно погибнуть!

– Так смерть, милоч, не выбирают. Она дорогу всяко съест.

– Да-а... Ну, пойду я, – засобирался Головин.

– погоди. Травок тебе соберу с собой.

– Да не надо, Анна Григорьевна...

– А ты не перечь! Не перечь... Зимой прижмет – вспомнишь тогда бабку Саврасиху. Тебе, с сердцем твоим, каждый день эту травку пить надо. Скажешь своей, чтоб заваривала...

Она тяжело поднялась и, охая, хватаясь за поясицу, поковыляла в кладовку. Головин смотрел ей вслед и думал: как же страшно, как трагично складывается порой судьба человеческая. За что такие испытания молодой, жизни еще не видевшей девчонке? Мужу ее, всю войну прошедшему, а в лагерь попавшему из-за какого-то паразита? А Мишке? За какие такие грехи? И как же стыдно за себя, за свое бесконечное нытье...

«Прости меня, Господи!» – подумал Игорь Иванович и неожиданно для себя перекрестился на освещенную лампадой икону в красном углу.

До станции Головина провожали Мишка с Вовой Лиходеем. Стоя на перроне и глядя на них, он с удивлением отметил про себя, как же дороги, как близки стали они ему за это короткое лето. Казалось бы, что общего между городским интеллигентом в третьем поколении и этими простыми деревенскими ребятами? А вот ведь! «Сроднились», – думал он, прощаясь и крепко обнимая их напоследок.

* * *

Вновь в Растеряево Головин приехал на зимних каникулах. Новый год встретил с семьей, как положено. Долг исполнил – и ходу. Тамарка, как всегда, разобиделась, а потом рукой махнула: нашел, дескать, дурак игрушку. Езжай уж, что с тебя взять. И сама к сестре гостить отправилась.

Мишку Головин увидел, как только свернул в свой проулок. Тот стоял посреди улицы и, отчаянно жестикулируя, о чем-то переругивался через забор с Саврасихой.

– Здравствуйте, Анна Григорьевна! Как жизнь, Михаил? – Головин широко улыбнулся. Он сам не ожидал, что так обрадуется встрече.

– О! Иваныч! – Мишка, раскинув руки, похромал к нему, разом забыв про соседку. – Я как знал! Зайца вчера подстрелил. Прикинь, прям в огород ко мне заскочил. Ты рагу из зайчатины пробовал когда? То-то! Не пробовал. Заходи вечерком. Я щас на ферму метнусь – бабы просили проводку починить. Электрик-то наш все Новый год празднует, в дело негож!

– А ты, смотрю, ничего? Сухой, как лист! – похвалил Игорь Иванович.

– А то! Нет, ну мы, само собой, с мужиками отметили праздник. Но культурно! Чисто по ностальгии, по тихой грусти...

Михаил был, как всегда, энергичен, рот до ушей, а под глазом у него сиял огромный фингал.

– По тихой грусти, говоришь? – усмехнулся Головин, кивая на синяк.

– Да это Люська, зараза. Приголубила.

– Неслабо она тебя приголубила, – посочувствовал Игорь Иванович, разглядывая Мишкин заплывший глаз. – Это за что ж тебе такая немилость выпала?

– Да темная баба! Дура, одним словом. Никакого понятия о научно-техническом прогрессе! Ко мне Леха, кореш мой армейский, приезжал недавно. Телефон свой старый подарил. Гляди, какой! – Он вытянул из кармана обшарпанный, с треснувшим экраном «самсунг». –

Вишь? Ну вот. У меня-то старый был кнопочный и не фурычил уже ни шиша, а тут сенсорный экран, все дела. Интернет, само собой. А еще, гляди, мне Леха показал, здесь штука есть такая – «Алиса» называется. Ты ее спрашиваешь, а она тебе на любой вопрос отвечает. Прикинь!

– Да знаю я, – улыбнулся Головин.

– Не, ты смотри! Алиса, когда в наш магазин водку привезут?

– Ой, даже не хочу об этом говорить, – промурлыкал в телефоне девичий голос.

Мишка довольно захохотал.

– Ты, Миш, как ребенок, честное слово, – покачал головой Игорь Иванович. – С этой Алисой, поди, и дела все забросил?

– Дела у меня днем. А вечером куда деться – зимой-то? Сидишь один, как сыч. Словом перебраться не с кем. А тут – пожалуйста...

– Я так и не понял, какая связь между Алисой и фингалом у тебя под глазом?

– Да че там понимать! Я ж тебе толкую! Пришел я к Люське Печенкиной – похвастаться. Мы же с ней подруживаем иногда. Когда она в настроении. Баба-то одинокая, сам понимаешь. Ну вот... Смотри, говорю ей, какая у меня любовница есть. Спрашиваю у Алисы: «Любишь меня?» А она: «Люблю». Я ж для смеху! А эта дура приревновала! Нет, ты прикинь – к телефону ревновать? Ну и засветила мне со всей своей рабоче-крестьянской любовью промеж глаз! Етить-колотить! – Михаил с обидой рубанул воздух рукой. – Хожу теперь по деревне вечером, дорожки освещаю фонарем своим.

– Ох, Михаил, добром ты не кончишь. Тебе бы жениться. Чем тебе та же Люська плоха?

– Да ты че, Иваныч, на кой черт я ей сдался? Ты ведь Люську знаешь. Это ж танк, а не баба! Самоходная, блин, установка! Она картошку копает – от нее пар валит. А дрова, ты видел, как она колет? Она ж полено с одного раза – хрясь! – и в лоскуты. А от меня в хозяйстве проку, как от козла молока. Култышкой своей вон ковыряю потихоньку... Не-е! Не готов я ущемлять свое мужское самолюбие. Не дождется.

– Так сопьешься же один!

– Не бойсь. Я свою норму знаю. Ладно, покедова! – Мишка хлопнул Игоря Ивановича по плечу. – Я на ферму. А вечером жду. На дичь!

* * *

Вечером за столом, разговорившись под дичь и привезенный Головиным коньячок, Мишка доложил, что в Растеряеве все по-старому. Саврасиха жива-здорова. Че ей, старой кочерыжке, делается? Митька Люськин четверть на «отлично» закончил.

– Вот ведь головастый пацан! – восхищался Михаил. – Я-то обормотом был в школе.

В общем, все идет своим чередом. А вот на ферме беда. Флянтиков зарплату три месяца не платит, половина баб поувольнялись. С такими делами и последние разбегутся. Кто за скотиной смотреть будет? А тут еще слухи пошли, что на Флянтикова налоговая наехала. Так он затихарился где-то, на ферме не показывается. Не сегодня завтра корма закончатся, а ему – етить-колотить! – и дела нет. Хозяин, называется...

– Ты-то как? – Игорь Иванович с улыбкой смотрел на разошедшегося соседа.

– Да че мне делается?

– Не тоскливо зимой одному?

– А мне когда тосковать-то? – удивился Мишка. – Бабы поразбежались, так я на ферме с утра до вечера. Веришь, нет – с доильным аппаратом наловчился управляться. Дальше так пойдет – я почетным дояром сделаюсь. Вечерами вот только... Сижу как неприкаянный, в ящик этот проклятый пялюсь да с Алиской вон разговоры разговариваю...

У Головина сердце сжалось, когда он представил, как Мишка вечерами беседует с телефоном. Один. В пустой избе.

– А как насчет этого? – Игорь Иванович кивнул на бутылку.

– Иваныч, ты что?! Я ж обещал! На Новый год... и то чисто символически. По тихой грусти. Чес-с-слово!

– Мужик!

– Ну так!

У кровати на полу Головин заметил стопку книг. На корешке одной из них разглядел: «Судьбы России».

– Читаешь?

– Да лучше бы не читал. Расстройство одно. Вот скажи мне, Иваныч... Как так получается? Возьми хоть ту же Германию. Ни нефти у нее, ни газа. На карте и то хрен разглядишь! Но старики у них на свою пенсию по всему миру путешествуют. А наши? Куда наша Саврасиха может путешествовать, кроме как до сортира в огороде и обратно? Или вот ты. Всю жизнь в школе горбатился, детей разумному, доброму, вечному учил. И много ты заработал? Че ты себе окромя большого сердца и давления нажил? Может, ты в отпуск на море едешь? Или в санаторий? Ведь гад этот, Генка, Поскребыш который, – он же, ежели по совести сказать, прав! Это что у нас за государство такое, если ты на свою учительскую зарплату, окромя еды и штанов, ничего купить не можешь? Митька после школы в университет хочет поступать. Люська узнавала: три бюджетных места, а платно – сто двадцать тыщ в год. Где Люська тебе сто двадцать тыщ возьмет? У нее зарплата – восемь. А пацан башковитый. Все олимпиады по математике выигрывает в области.

– Так-то оно так, Миша. – Игорь Иванович невесело усмехнулся. – Самому тошно на все на это смотреть. А что делать? До неба высоко, до власти далеко.

– Так гнать такую власть надо! Поганой метлой!

– Я тебе, Миш, как учитель истории скажу: у нас всякий раз, как народ власть скидывал, страна кровью умывалась.

– И что ж? Молчать теперь в тряпочку?

– Не знаю, Миша, не знаю. – Головин вздохнул. – Нет у меня для тебя ответа. – И тут же, улыбнувшись, добавил: – А ведь ты Поскребыша за такие же разговоры чуть глаза не лишил. А?

– Я его не за это. Я за то, что ему на родину свою глубоко плевать, – возразил Мишка. – Поскребышу без разницы, какая власть! Он при любой власти свою страну хаять будет. Генка же всегда землю эту презирал. И людей, что на ней живут и пашут ее. И родителей своих – за то, что не гнались за длинным рублем, а всю жизнь здесь, в родной деревне, детишек учили. Не могу я тебе всего этого, Иваныч, объяснить! Не умею.

– Да понятно, Миш. Все так. Таких поскребышей хоть золотом осыпь, все равно дерьмом плеваться будут.

Михаил поднял рюмку. Замер.

– Знаешь, Иваныч, мне в последнее время сон один и тот же снится.

– Что за сон?

– Мне лет десять, наверное, было. – Мишка поставил рюмку на стол. – Поехали мы с родителями на море, в Гурзуф. Батин сослуживец армейский в гости позвал. А там – красотища! пляж, море, солнце. Фрукты – ешь не хочу! Я из воды целыми днями не вылезал. После нашей-то лужи! Со скал нырял. Мамка ругалась! А тут как-то раз с батей решили с лодки порыбачить. Там рядом станция лодочная была. Отошли от берега недалеко, якоря бросили, рыбачим. Вода прозрачная-прозрачная – дно видать. Просидели уж не помню сколько – не клюет. Батя скупнуться решил, нырнул и погреб к берегу. А я в лодке остался. Он порядком уж отплыл, когда, гляжу, теплоход прогулочный из-за мыса вырывается. Музыка, отдыхающие на палубе... И, ты понимаешь, прямо на меня прет! Уже расстояние между нами всего ничего, метров двадцать. То ли капитан пьяный был... Вода бурлит под винтами, буруны белые накачивают, меня качает... И тут лодку с якоря сорвало! Я испугался, в воду сиганул и к отцу

погреб. Он мне машет: мол, назад плыви, к лодке. Я назад – а лодки-то и нет: ее далеко в сторону откинуло. И тут чую: к теплоходу меня тянет, вот он, борт! Помню, вдоль борта того, у самой воды, приступочек. На нем матрос: одной рукой за веревку держится, другой – до меня пытается дотянуться. «Руку, – машет мне, – руку давай!» Кто-то круг спасательный кинул, но его отнесло сразу. Отец видит это все, кричит мне что-то. А меня вдоль борта тащит. Борт скользкий. Я по нему ногтями царапаю, зацепиться хочу – и чувствую: меня под корму затягивает. Хана, думаю. Внутри все заглодело. Распластался я на воде, чтобы ноги винтом не отрубил. Как сообразил только? Тут меня под корму затянуло – и в сторону отбросило. Далек, к лодке как раз. Я – в нее. Тут батя подгрел, белый весь, губы трясутся. За лодку зацепился, а залезть не может. Я его тащу... – Голос у Михаила пресекается, он ненадолго замолчал. – Кое-как батя через борт в лодку перевалился, из последних уже сил. Он ведь тогда подумал, что конец мне. Представляешь, Иваныч: твой ребенок у тебя на глазах погибает, а ты сделать ничего не можешь!..

Мишка встал, прошелся по комнате. Остановился у окна.

– И вот снится мне уж какую ночь, что опять вдоль того борта меня тащит. Только на теплоходе уже нет никого. Ни души. И некому мне помочь. И тянет меня под корму – под винты! – как тогда. С такой силой тянет, что не спастись. И гул стоит от махины этой железной жуткий! А сквозь гул этот крик отца слышу. Зовет меня.

Михаил замолчал, сосредоточенно вглядываясь в холодную мглу за окном. Достал из кармана сигареты, приоткрыл форточку. В комнату потянуло колючей уличной стужей.

Через пару дней Головин был вынужден отправиться домой: сердце опять поприжало. Михаил с беспокойством поглядывал на друга. В конце концов не выдержал:

– Давай-ка, Иваныч, до дому. А? Там, в городе, жена, врачи под боком. А тут тебя прихватит – мы чего делать-то будем? Давай, брат, давай... от греха подальше.

– Я, Миш, этих каникул знаешь как ждал? Дни считал! Думал, мы с тобой в лес выберемся, на зайцев поохотимся...

– Обязательно поохотимся! На выходные приедешь, как поправишься, и поохотимся. А летом мы с тобой на кабана пойдем! И Лиходея возьмем. У них все равно на лесопилке нынче сплошь простои. Один фиг – без дела мается. А тут, слышь, – Мишка хлопнул себя по коленке, – заявил мне недавно: в город, говорит, поеду. В охранники подамся. Наши мужики, мол, с лесопилки собрались, а я чем хуже? Работа не бей лежачего: сутки работаешь, двое отдыхаешь. Так я ему живо хвоста накрутил! Какие, на хрен, охранники? Какой город? Он же, Иваныч, хуже ребенка. Ей-богу! Любая сволочь его облапошит. Да еще в блудняк какой-нибудь втравят. Охранник, блин... Так он, слышь, обиделся! Дня три пыхтел, не разговаривал.

– Ты, Миш, помягче бы с ним, – улыбнулся Головин.

– Да я что? Я ж для его пользы. Он уже в прошлом году чуть не вляпался в историю. Объявились тогда у нас доброхоты в деревне, уболтали его в соседнюю область поехать лес валить. «Черные лесорубы» – слышал? И наш, значит, с ними собрался. Так я его в баньку к Саврасихе заманил, вроде как печь истопить, а сам дверь лопатой подпер, пока вербовщики эти с деревни не свинтили. Он же лось здоровый, я разве с ним справлюсь? – Мишка рассмеялся. – А так бы щас в местах не столь отдаленных лесорубил. Этих-то красавцев накрыли потом, ага. И нынче Лиходей наш без работы совсем захандрил. Забегал тут к нему на днях – квасит. По тихой грусти...

– Миш, ты сам-то тоже, смотри...

– Чего?

– Ну... спиртным не шибко увлекайся.

– О-о-о! Опять... Я ж обещал! – Мишка приобнял соседа. – Не журись, Иваныч. Болей себе на здоровье, а об нас не беспокойся. Все путем будет!

На следующий день Михаил проводил Головина до станции. На прощание крепко обнялись.

– Ты, брат, держи оборону, – пошутил Игорь Иванович. – Не поддавайся буржуям недо-резанным.

– Ты про Флянтикова, что ли? А я на него жалобу в Гринпис накатаю, чтоб над животиной не издевался. Мы-то потерпим. А вот скотину жалко. Ладно, Иваныч, прощевай!

Головин зашел в вагон. Электричка тронулась. Он выглянул в окно: Мишка одиноко стоял на перроне. Рука его, с зажатой в кулаке шапкой, была поднята в прощальном взмахе. Сердце Игоря Ивановича тоскливо защемило.

* * *

Перед самыми весенними каникулами у Головина опять прихватило сердце. Довел он таки себя на работе. Доконал. Как ни зарекался не высовываться и беречь нервы – не удержался. С педсовета на скорой и увезли.

Две недели под капельницей на больничной койке провалялся. А как только малость отпустило, запросился на выписку. Лечащий врач и слушать не хотел, все инфарктом страшал. Договорились, что Головин дома отлежится, амбулаторно долечится. Дома, как известно, и стены помогают. А тут от одного запаха больничного, да на соседей болезных глядячи, захиреешь. Одним словом, уломал доктора.

Однако пациентом Игорь Иванович оказался несознательным: как выписался – сразу в Растеряево засобирился. Тамарка в слезы, ведь только-только оклемался! Но Головин одернул причитающую жену: не голоси, дескать, как по покойнику, мне там на свежем воздухе сразу полегчает.

Подъезжая к знакомой станции, Головин почувствовал, что ему и впрямь как будто стало лучше. Шурясь на яркое солнышко за окном электрички, он представлял, как, добравшись до дома, растопит печь, обогреет промерзшую за зиму избу, заварит себе чаю с мятой и смородиновым листом и станет просто пить чай, слушая, как гудит огонь в печи. А вечером пойдет в гости к Мишке. Будут они, сидя за столом, вести неторопливый мужской разговор. Выпьют Люськиной самогоночки – так, чуток. Для задушевности беседы. «Чисто по ностальгии, – улыбнулся Игорь Иванович, – по тихой грусти...»

Пока он добирался от станции до деревни по узкой, протоптанной сельчанами тропинке, весь взмок. Солнце припекало. Слежавшийся снег вокруг покрылся ледяной коркой и перламутрово переливался под ласковыми весенними лучами. А над головой раздавался радостный щебет натерпевшихся за зиму птах.

Головин с трудом отворил калитку. Пробрался по осевшему снегу к дому, постоял, облокотившись о перила крыльца. Отдышался, сходил в сарай за лопатой и – потихоньку, с передыхами – стал расчищать тропинку от крыльца к калитке. Время от времени он поглядывал на соседский дом. Странно... Запил Мишка, что ли? Двор заметён, крыльцо снегом завалено. Уехал куда?

Он уже заканчивал с расчисткой, когда подошла Люська:

– Здравствуйте, Игорь Иваныч.

– Здравствуй, Людмила.

– Давненько не показывались. Все на работе? Заняты, поди, с охламонами вашими, забыли нас совсем? Думала, на весенних каникулах приедете...

– Да я, Люда, приболел. На днях только из больницы выписался.

– Ну да, ну да... – Она отвела глаза.

– А у вас как дела? Что-то Михаила не видать. Снег во дворе, гляжу, не убран... Загулял, что ли?

Люська всхлипнула.

– Ты чего, Люд? – Игорь Иванович с тревогой посмотрел на соседку, только сейчас обратив внимание на ее черный платок.

– Нету больше нашего Миши. Помер. В прошлую пятницу схоронили.

Головин, оглушенный страшным известием, долго молчал. Наконец, придя в себя, с трудом выдавил:

– Как же так?

– Затосковал он в последнее время. Как ферму закрыли, так и затосковал. Мужик без работы – сам знаешь... Телевизор целыми днями смотрел, про политику все. Да Трофима слушал, «Аты-баты» свои... Не разговаривал ни с кем. Сидел и пил. А он же до этого три месяца – ни грамма. Я, говорит, Иванычу обещал. А тут Вова, паразит, какую-то отраву притащил. Лиходей проклятый! У самого ноги отнялись, еле откачали. А Миша...

Игорь Иванович обессиленно опустился на скамейку у ограды:

– Так что же вы молчали? Почему не позвонили?!

– Миша не велел. Он ведь не сразу умер. В больнице еще сутки жил. Я с ним до конца была. – Люся опять всхлипнула. – Так он строго-настрого наказал не звонить тебе, не тревожить.

– Да почему?!

– У Иваныча, говорит, сердце больное. Ему волноваться нельзя. Беспокоился.

Головин зачерпнул снега, отер лицо.

– Надо было позвонить. Надо было...

Люська осторожно присела рядом.

– Ты не думай, Игорь Иванович, мы Мишу по-людски похоронили, как положено. – Она вроде как оправдывалась. – Церкви-то у нас, сам знаешь, нет, так Саврасиха всю ночь над ним Псалтырь читала. Подкосила ее Мишина смерть. – Люська сокрушенно покачала головой. – Они ж если когда и ругались, так это так... шутейно. Любила она его. Своих-то детей Бог не дал, так она его, точно сына родного... А как схоронили Мишу – совсем сдала, старая. Забегаю к ней после работы, приглядываю. Миши нет, вот и некому.

– А Вова? Вова как?

– Лиходей-то? Вот уж с кем натерпелись! Он ведь как узнал, что Миша помер от отравы его, так мы думали, умом тронется. Уж как кричал да бился! Сестра его боялась одного дома оставлять: как бы чего не сделал над собой. Осиротел он без Миши. Че уж говорить? Осиротел. За ним ведь, как за дитем неразумным, догляд нужен. Они ж с Мишей были как ниточка с иголочкой. Каково Вовке теперь без него?

Головин достал из кармана пузырек, закинул под язык таблетку.

– Люд, а у тебя ключи есть от Мишиного дома?

– Зачем тебе?

– На память хочу что-нибудь взять. Можно?

– С собой у меня ключи, Игорь Иванович, – почему-то обрадовалась Люська.

Пробравшись к крыльцу по серому ноздреватому снегу, они обнаружили, что замок сорван. В доме кто-то основательно похозяйничал. Люська первым делом сунулась к ящичку с документами. Орденовая книжка лежала в стопке бумаг. Сам орден пропал.

– Сволота! – выругался Головин.

– Это не наши! – дернула головой Люська. – Наши не могли. Залетные, видать.

В доме было пусто, холодно и неприятно. Кое-что из вещей, как водится, разобрали на память деревенские. На столе Головин заметил дембельский альбом. Смахнув пыль, раскрыл. С фотографии на него смотрел непривычно серьезный, совсем еще юный Мишка. В новенькой форме, с автоматом на груди, рядом знамя части. Фотография с присяги.

– Я возьму, Люсь?.. – спросил он осипшим голосом.

– Бери, Игорь Иваныч, бери.

Он последний раз окинул взглядом холостяцкое жилье своего товарища. Задержавшись в дверях, погладил дверной косяк – попрощался.

Вышли во двор.

– Айда, Игорь Иванович, ко мне, – предложила Люська. – Помянем Мишу. Да и ночевать у меня оставайся. Чего ты один в нетопленной избе будешь? – Она с беспокойством поглядывала на бледного, осунувшегося соседа. – Гляжу, лихостит² тебя?

– Пойдем. Помянем. Только сначала на кладбище сходим. А ночевать не останусь. Домой поеду.

* * *

Как Люська ни уговаривала, ночевать Головин так и не остался. Отправился домой на последней электричке. Людмила велела сыну его проводить: очень уж неважно Игорь Иванович выглядел.

До станции шли молча. Митька простуженно шмыгал носом. Подоспели вовремя: вдалеке как раз показались огни электропоезда.

Головин протянул руку:

– Ну что, Митя? Прощай. Слушайся мать. Ей, сам знаешь, нелегко. Один ты у нее теперь.

– До свидания, Игорь Иванович.

Митька по-мужски крепко тряхнул его руку в ответ.

– Как поступать соберешься – звони. Чем смогу – помогу. Телефон мой у мамы есть.

– Спасибо, – смущенно ответил Митька.

– Ну, бывай.

Головин взялся за поручни. Пройдя в вагон и сев у окна, взгляделся в темное стекло. На пустом перроне одиноко маячила шуплая фигурка. Митька не уходил. В тусклом фонарном свете было видно, как он зябко ежился и поджимал ноги в худых ботинках. Вот так же совсем еще недавно Головина провожал Михаил. Электричка тронулась. Митька, сделав несколько шагов, вдруг сдернул с себя шапку и, сжав ее в кулаке, вскинул над головой. Порывистый жест был до боли знаком. Игорь Иванович глухо застонал.

* * *

Приникнув лбом к холодному стеклу, Головин безучастно смотрел в окно вагона. Мимо проносились серые полустанки, заброшенные избы с заколоченными крест-накрест окнами, покосившиеся электрические столбы. Вдали, на фоне белеющего в полях снега, неприкаянно торчали черные скелеты деревьев.

Глядя на эту сирость и бесприютность, Игорь Иванович вспомнил рассказ Михаила о том, как умирала его мать. Она последние полгода лежачая была, не вставала совсем. Мишка сам за ней ухаживал, никого не подпускал. Последние несколько суток, перед смертью, не отходил от нее. Рассказывал, что мать несколько раз вытягивалась уже. Тогда он усаживал ее в постели, обнимал со спины и держал. Прижмет – и держит. Не отпускал. *Туда* не отпускал!.. И так несколько раз. А она, удивлялся Мишка, маленькая, легонькая – как ребенок. Посидит он с матерью – она вроде ровнее задышит. А в последнюю ночь сморило его. Под утро очнулся, а она уж неживая. Михаил простить себе не мог, что не выдержал, задремал. Верил, что, не усни он тогда, жила бы мать.

² Лихостить (*местн.*) – знобить, лихорадить.

Вспомнил Игорь Иванович эту историю, и так горько на душе стало! Горько, что не случилось ему быть рядом с Мишкой в последний его час. Обнял бы, прижал к себе – глядишь, и не отпустил бы. Удержал.

На одной из станций в вагон с шумом и хохотом ввалилась молодежь. Улюлюкая, перебиваясь и не обращая внимания на невольно напрягшихся пассажиров, компания с ходу облепила несколько лавок. У одного из ребят, в яркой нелепой шапке с помпоном, через плечо висела гитара. Девчонки, уютившиеся на коленях своих ухажеров, наперебой принялись просить его сыграть. Гитарист что-то им отвечал. Те закатывались от хохота, ничуть не смущаясь бабулек, которые с осуждением глядели на их немислимого цвета шевелюры, пирсинги в носу и коротюсенькие, едва прикрывающие срам, юбочки.

– От бесстыжие... – проворчала сидящая напротив Головина старушка. – Что из них только выйдет? О-е-ей...

Игорь Иванович отвернулся к окну.

Гитарист тем временем заперевирал струны. Гомон умолк. И, сдернув с головы дурацкую шапку, парень запел:

Россия нас не жалует ни славой, ни рублем,
Но мы ее последние солда-а-а-ты...

Остальные дружно подхватили:

И значит, надо выстоять, покуда не умрем.
Аты-баты, аты-баты...

Головин замер и, оторвавшись от окна, поднял на них повлажневшие глаза. Ах, ребятки, ребятки... Родные вы мои! А ведь он в последнее время, к стыду своему, во всем и вся разуверился. Покоя искал, мира... И теперь, глядя на поющих ребят, чувствовал себя дезертиром, бежавшим с поля боя. Надо же! В деревне думал отсидеться.

«Мы ж для них трава на обочине», – вспомнились ему Люськины слова. Ничего, ничего, Людмила... Не все потеряно. Рано играть отходную. Вот пока дети наши песни такие поют – есть для чего жить. И есть за что воевать. Есть!

А Растеряево... В Растеряево он больше не вернется – сил не достанет. Но часть его надорванного, измученного сердца навсегда останется на старом деревенском погосте с сиротливым холмиком и латунной табличкой на кресте: «Здесь лежит Герой России Михаил Жданов».

Своя колея

Юрка сидел на старой крыше от КамАЗа у распахнутых настежь ворот СТО и неторопливо потягивал чай из помятой жестяной кружки.

Станция, на которой он впахивал целыми днями вот уже без малого год, лепилась на самом краю города в полузаброшенной промышленной зоне. По одну сторону от нее день и ночь гудела федеральная трасса, по другую – расположилась площадка Вторчермета, с вечно отирающимися у ворот бомжами. Бомжи с утра и до вечера тащили туда разные, неведь откуда добытые железяки, зарабатывая таким образом на пропитание и на прочие нужды нелегкой бродяжьей жизни. Прямо по курсу тянулась жиденькая лесополоса, за деревьями возвышались дымящие трубы химзавода – единственного сохранившегося производства в их некогда благополучном городке. Время от времени было слышно, как по подъездным путям, то и дело сигнала, громыхал маневровый локомотив.

На работу Юрка всегда приходил первым. Нравилось ему, пока народ еще не подтянулся, посидеть в тишине, помечтать, разглядывая дымное, расчерченное проводами небо. И не важно о чем. Сегодня, например, глядя на проносящиеся по трассе один за другим большегрузы, он вдруг подумал, что хорошо, пожалуй, было бы податься в дальнотойщики. Едешь вот так, едешь... И ни о чем не думаешь. Ни о чем не переживаешь. Мимо незнакомых городов и поселков, лесов и перелесков, рек и речушек... А вдоль дороги по обе стороны – поля, поля, поля... Ехать! Днем и ночью. Зимой – по заснеженной, переметенной дороге, а летом – по серому, пахнущему только что пролившимся дождем асфальту. Хорошо! Или вдыхать через приоткрытое окно машины колкий, морозный мартовский воздух. Курить... Вести неторопливый разговор о жизни с напарником или просто со случайным попутчиком. Юрка обязательно бы подбирал автостопщиков. Вот у кого жизнь! Сегодня – здесь, завтра – там. Сам-то он в свои двадцать с небольшим нигде особо побывать не успел. Родился и вырос недалеко от столицы, в маленьком, заштатном городишке, каких много; в стороне от шумного, энергичного мегаполиса с его яркой, насыщенной, до краев наполненной событиями жизнью. Но Юрку это обстоятельство никогда не тяготило. Он любил эти вязкие сонные улицы и проулки, облупившиеся милые его сердцу пятиэтажки и покосившийся деревянный штакетник частного сектора, где день и ночь по вкривь и вкось уложенным рельсам стукотят облезлые трамваи. Все ему здесь было знакомо: каждый угол и каждый закоулок. А люди? Ему казалось, он знает всех в своем городишке, и его тоже все знают.

Родители Юркины в свое время, как и большинство горожан, трудились на химзаводе. Жили они неподалеку. Юрка еще мелким пацаном, встречая отца и мать с работы, всякий раз с замирающим отчего-то сердцем наблюдал за бесконечным потоком людей, идущих со смены домой. Многолюдный этот поток выплескивался из заводских ворот разом – шумный, оживленный! – и вскоре заполнял собою всю улицу. Многих из проходящих мимо Юрка знал в лицо, его тоже узнавали – улыбались. Знакомые, родные лица. Юрка любил их. И они... они тоже – он был уверен в этом! – любили его. И сидящие целыми днями на лавочке во дворе старушки-соседки, и приبلудный пес Тошка, для которого Юрка со своими закадычными друзьями Славкой и Шишей соорудил конуру из выброшенной кем-то на помойку старой тумбочки, и водитель хлебовозки, разгружавший по утрам хлеб у магазина и угощавший при случае Юрку булочкой с посыпушкой, – все они любили его. И весь мир, казалось Юрке, был переполнен этой любовью. А будущая жизнь представлялась ему одним бесконечным, радостным, солнечным летним днем!

Но, вернувшись из армии, Юрка не узнал свой город. Точнее – людей. Изменились люди. Они больше не улыбались. Хмурые, усталые, чужие лица. А может, это он изменился? Кто знает...

Юрка Воробьев дембельнулся по осени. С институтом пролет вышел, вот и загремел после школы в армию. А все потому, что учился он, прямо сказать, неважнецки. И не оттого, что бестолочь, – нет. Просто... очень уж натура увлекающаяся. То в студию театральную запишется, то в спорт ударится, то рок-группу соберет. В общем, пока друзья-товарищи корпели над учебниками, готовясь к экзаменам, Юрку мотыляло из стороны в сторону: все никак не мог определиться – куда податься. В итоге вопрос решился сам собой, и оказался он на Дальнем Востоке, в погранвойсках, о чем, впрочем, ничуть не пожалел. Да и то сказать, что ты за мужик, если в армии не служил? Примерно так рассуждал Юрка, трясаясь в плацкартном вагоне по дороге к месту службы с полсотней таких же стриженных под ноль пацанов. В учебке, что и говорить, нелегко пришлось, а потом ничего – втянулся. Благо Юрка – парень спортивный, за спиной уже несколько прыжков с парашютом к тому времени было. С сослуживцами он тоже быстро сошелся: парень-то заводной, веселый, да еще на гитаре играет! С командирами опять же повезло. Ему вообще везло на хороших людей.

Вернувшись домой, Юрка с удивлением осознал, что служба, похоже, была самым беззаботным временем в его жизни. Поначалу как-то даже растерялся. Пока он тянул армейскую лямку, друзья-товарищи поразъехались: кто учиться – как Славка, кто бизнес в Москве мутить – как Шиша. Все при деле. А тут еще... Пока служил – мать с отцом развелись. Отец сразу же новой благоверной обзавелся, из города уехал. Пару раз Юрке написал и пропал. А Юрка... Юрка отца так и не смог простить. Потому что многое можно простить в двадцать лет, многое... но не предательство. Мать после развода да после сокращения на заводе сразу как-то сдала, постарела. Перебивалась случайными заработками – в городишке с работой не ахти. Юрка тоже поначалу потыкался в одно место, другое – не берут: везде опыт нужен. А где его взять, опыт этот? Спасибо Аверьянычу – соседу по подъезду, – выручил, взял к себе в автомастерскую, обещал поднатаскать. «Толковый спец завсегда в цене, – говорил он Юрке. – Потому как машины ломаются независимо от курса рубля к мексиканскому песо! – Аверьяныч ободряюще похлопывал Юрку по плечу. – Не сомневайся, Юрок! На кусок хлеба с маслом и даже с икрой всегда заработаешь». Да тот вскоре и сам в этом убедился. Ну а как?

Весна пришла, подвеска оттаяла после холодов – народ ходовую ремонтирует. В зиму – масло меняет. А с такими убитыми дорогами, как в их городе, подвеску по круглому году шаманить надо. Оттого и переработки у автомеханика – в порядке вещей. А выходные и праздники – вообще самый сенокос. Дух перевести некогда! Хочешь не хочешь, а к утру клиенту машину отдай. Труд тяжелый да и опасный. Аверьяныч рассказывал случай: молодой машину на подъемнике не закрепил как надо – и все... Три месяца в больнице, в гипсе. Да еще кредит пришлось брать, чтобы клиенту убыток возместить. А то, бывает, в смотровую яму раззява какой свалится, или током кого долбанет. В общем, как говорит Аверьяныч: «Сплошная анархия и перманентный хаос». Это тебе не менеджером в офисе часы высидывать, где тепло, светло и мухи не кусают. Тут с утра до вечера не разгибаясь корячишься, в мазуте и масле. Та еще работенка! Но Юрке были по душе спартанские условия гаража.

А к технике его всегда тянуло. Он еще в детстве с отцом частенько по выходным в их стареньком жигуленке копался. В четырнадцать лет самолично двигатель перебрал. Так что в гаражном боксе у Аверьяныча Юрка себя чувствовал как рыба в воде. Слесарное дело осваивал, что называется, по ходу пьесы. Брался за все: хоть рулевую отрегулировать, хоть подвеску поправить. Собрать-разобрать двигатель – запросто, как автомат Калашникова в армии. И вскоре Юрка, несмотря на свой молодой возраст, заслужил у клиентов непререкаемый авторитет. Заработало сарафанное радио, и каждый старался именно к нему машину на ремонт загнать.

В общем, не прошло и года, а Юрка вполне себе уже прилично зарабатывал. Тут ведь как? Как потопаяешь, так и полопаяешь, – сдельщина! Мог бы и больше: клиента развести – дело нехитрое, даже если он опытный. Возможностей масса! Тот же топливный насос в бензо-

баке: сроду не увидишь – новый он или нет. Сеточку забора топлива почистят, а скажут, что бензонасос поменяли. Или ремень ГРМ, тоже далеко спрятан, – иди проверь, поменяли, нет. И некоторые его напарники нередко такое практиковали. Но Юрка себе ничего подобного не позволял. К заказчику относился с уважением. Хотя... Иной, случается, так достанет вопросами своими! Спасу нет! А то еще советы под руку давать начнет. Всю душу вымотает! В таких случаях Юрку прямо распирало от «добрых» слов, да куда деваться? Ему с этого клиента еще деньги получать.

Аверьяныч, наблюдая за Юркой, нарадоваться не мог. Еще бы! В наше время толкового механика днем с огнем не сыщешь. Бывает, такие экземпляры попадаются – не знают, в какую сторону гайка откручивается. Аверьяныч даже пообещал Юрке, что если дела и дальше так пойдут – со временем на свое место поставит. На хозяйство. А сам – на пенсию. Хватит уже под машинами валяться. Ну а что? Юрка – парень рукастый, и башка варит как надо. Не ошибся Аверьяныч в помощнике.

В общем, жизнь у Юрки налаживалась. Даже мать, он заметил, улыбаться чаще стала – радовалась за сына. А недавно Славка из Москвы приехал на каникулы, следом Шиша – в отпуск, родителей проведать... И показалось Юрке, что все вернулось на круги своя: лето, гитара, друзья-товарищи... С девчонками вот только не везло. А все потому, что ухажером Юрка был привередливым. На него не угодишь! У одной – руки, видите ли, недостаточно изящные, у другой – щиколотки широкие, у третьей – походка некрасивая. А то еще случай был: познакомился с очередной. Такая прям вся из себя!.. Отношения вроде какие-то наметились, то да се... И тут она эсмэску присылает, а там... В каждом слове по три ошибки! А Юрка этого на дух не выносил! Ему еще в школе учительница русского языка говорила, что у него грамотность врожденная. В самом сложном диктанте – ни единой ошибки. А у этой... Ну вот какие тут могут быть романтические отношения... после такого? Сплошные разочарования. Но Юрка надежды и бодрости духа не терял и всякий раз, когда парни из гаража посмеивались над его любовными неудачами, смущенно бросал:

– Да не, пацаны... Так себе вариант. Не то пальто! Не то...

– Ты, Юрок, не под тем углом на женский вопрос смотришь, – пытался вразумить его Аверьяныч после очередного любовного фиаско. – Вот ты думаешь, что в бабе самое главное?

– Что?

– Известно – что! Баба, она ласковая да покладистая должна быть. И по хозяйству чтоб шуршала, и мужика своего ценила. Пришел ты, скажем, домой, а там полный порядок! Ну и пожрать – это уж само собой.

– Примитивно ты, Аверьяныч, мыслишь, – не соглашался Юрка. – Пожрать... Хозяйство... Всё это... Ну, не то пальто! Мне такая женщина нужна... – он замолчал, подбирая слова. – Такая... Ну, чтобы вот посмотрел ты на нее – и все... Полный крышеснос! Да ну тебя, все равно не поймешь, – отмахивался Юрка.

– Куда уж мне!

– И вообще... У человека мечта должна быть! Вот и в работе тоже...

– Чего тоже? – напрягался Аверьяныч.

– Ну как чего? – улыбался Юрка, заметив реакцию старика. – Думаешь, я на тебя тут всю жизнь батрачить буду? Не-е-е... Не то пальто!

– А-а-а, – тут же с пол-оборота заводился Аверьяныч. – В Москву свалить решил? Давай, давай... Только тебя там и не хватало! Лажа это все, Юрок! Я знаю, это тебя Славка с панталыку сбивает. Он, змей! Он!.. Вот что ты этого трепача слушаешь? Сам-то он нигде не пропадет. Об нем папа с мамой позаботятся. А ты-то! Ты...

Аверьяныч подсакивал с места и, размахивая руками, принимался нервно расхаживать по мастерской.

– Ну вот кому ты там сдался? Славке? Нужен ты ему, как рыбе зонтик! Ты же прирожденный автомеханик! Уж мне-то поверь. Я в этом деле понимаю. Через годик-другой я тебе дела передам. Считай, хозяином станешь. Чем плохо-то? Да и какой с тебя москвич? – махал рукой старик. – Москвич с тебя, Юрок, прямо скажем, как с дерьма пуля.

– Нет, Аверьяныч, спасибо тебе, конечно, на добром слове, хотя про пулю все-таки обидно, но... Не прав ты. Не прав! – Юрка едва сдерживал смех, глядя на распалившегося не на шутку старика. – Нет, ну до осени я, так и быть, доработаю, а там... Уж прости-извини. – Юрка картинно разводил руками.

Напрасно Аверьяныч беспокоился. Никуда, ни в какую Москву Юрка не собирался. Так... старика подначивал. Хотя Славян ему и впрямь все уши прожужжал с Москвой своей. Как приехал, так и насел.

– Да ты чё, Воробей? Так и будешь всю жизнь гайки крутить? Валить отсюда надо куда подальше, из дыры этой. Пока молодой. А не то оглянуться не успеешь, а тебе тридцатник! А сороковник? О-о-о... Это ж, считай, все – кранты! Жизнь прошла. Наши вон все уже перебрались кто в Питер, кто в Москву. А если ты насчет жилья загоняешься, так вообще не вопрос! Даже не заморачивайся на эту тему. Жить есть где. Мне родаки в Москве хату снимают. Там еще и дядька родной. У него фирма своя, кресла массажные продают. Давно к себе зазывает. И тебя возьмет – менеджером. Круто же! Через год можно будет тачку взять... Ты у Шиши джипа видал? То-то же!

Юрка слушал, какие завлекательные перспективы рисовал ему друг-товарищ, и думал: откуда это в Славке? Сам-то давно ли москвичом заделался? На одной улице росли. Да... Забурели пацаны без него... Забурели. Шиша тоже весь из себя важный. Юрка даже не сразу узнал того при встрече: раскабанел, поперек себя шире стал. И какими такими делами он там в Москве занимается, что джипа нового взял? Это ж бешеные деньги. Ну ладно Славка, у того родители состоятельные, он всегда в мажорах ходил. А Шиша? Отец – мент, мать – домохозяйка. После школы так же, как и Юрка, никуда не поступил. И загремел бы Шиша в армию за милую душу, если бы его батя не отмазал. А теперь гляди, как поднялся!

Юрку в столицу никогда не тянуло. Да и мать, как она тут одна, без него? А самое главное, прикипел он к слесарному делу. Машину клиенту возвращает после ремонта, а у самого душа радуется. Юрке даже запах мастерской родным стал. Да и какой с него менеджер? Какие массажные кресла? Только разве Славке это объяснишь?

– Славян, да ты пойми, ну не то это пальто... Не то.

– Да почему?

– Да потому! Я же здесь каждую собаку знаю, – улыбался Юрка на очередной Славкин заход. – Как у Есенина, помнишь: «В переулке каждая собака знает мою легкую походку...»

– Есенин, тот, между прочим, как раз из деревни в Москву сбежал. Не то что ты! Сидишь тут... Вот скажи мне, ну чего здесь хорошего?

– Да ну как, чего хорошего? Вот иду я по нашей с тобой улице – со мной все здороваются, я со всеми здороваюсь. Мне приятно. Понимаешь? А в Москве твоей ну кто я? Так... Один из... А тут меня знают, уважают. Я даже всех местных бомжей знаю. Тимоха вон заходит ко мне. Помнишь, в соседнем доме с нами жил? Будку еще помогал для Тошки строить.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Заходит зачем?

– Ну как зачем? Поговорить.

– Не, ну нормально? Он уже с бомжами разговоры разговаривает.

– Ну а чего такого? Интересно же. И вообще... Я их всех... Люблю, что ли...

– Кого?

– Всех, – улыбался Юрка. – Аверьяныча, парней с гаража...

– И бомжей?

– Ну а что? Бомж – не человек, что ли?

– С ним серьезно, а он... – вздыхал Славка.

– Да я тоже серьезно! Как тебе объяснить-то? – Юрка на минуту замолчал, подбирая слова. – Ну вот дед мой... Он же на нашем химзаводе всю жизнь отпахал – сорок с лишним лет. Знаешь, как его там уважали? Дед уже сто лет как на пенсии был, а его каждый год с днем рождения с завода поздравлять приходили. И он – в цех свой, к мужикам... в гости. А знаешь, как помер?

Юрка закурил.

– Я тогда в армии был. Мне мать рассказывала. Дед к тому времени совсем плохой был – болел сильно, ему уж под девяносто лет как-никак было. Последнее время лежал, не поднимался уже. А тут вдруг, говорит, встал и давай одеваться. Она ему, мол, куда ты, папа? А он: «Так, на работу». «На какую работу? – спрашивает. – Ты же не работаешь давно. На пенсии ты!» А дед: «Да? Ну ладно». Пошел к себе в комнату. Лег и помер.

Славка озадаченно глядел на Юрку.

– Вот ты к чему мне сейчас это рассказал? Ты, как дед твой, хочешь? До девяноста лет в гараж таскаться? Помереть здесь? Нет, Воробей, ты, конечно, не обижайся, но ты совсем того...

Юрка улыбнулся:

– Да ладно, Славян. Каждому свое, видать. Кому – Москва, кому...

– Нет, Воробей, не будет с тебя толку. Хоть говори тебе, хоть нет. Дело твое, конечно, хочешь – крути гайки в захолустье своем. Только...

– Моем? – удивленно перебил его Юрка. – Оно и твое вроде? Нет?

– Да нет уж, спасибо. Я тут месяц в гостях, и то... Чуть не озверел. Хорошо, хоть с Нинкой замутил, а то совсем тоска зеленая.

Юрку со своей подругой Славян недавно познакомил. А тот как увидел ее, так и... Короче, случился с Юркой полный крышеснос – тот самый, о котором он Аверьянычу толковал. Скажи ему кто раньше, что такое бывает, – не поверил бы. Ведь словом не перебросились! Да... Только это же последнее дело – на девушку друга запасть. Не по-пацански.

«Может, она тупая, как пробка, – уговаривал он себя. – Дура душой?» И сам же себе отвечал: «Да и пускай. Может, оно и лучше, если дура? А то и так страшно при ней слово сказать, а если еще и умная, так вообще шансов никаких». То есть где-то там, в глубине души, надеялся, видать, Юрка на что-то. Хоть и гнал от себя такие мысли, но... Надеялся.

* * *

Допив чай, Юрка взглянул на часы: ух ты! Скоро народ подтягиваться начнет. Он поднялся и хотел уже было заняться поставленным в гараж еще с вечера «хендаем», как из-за угла выполз Тимоха.

Тимоха, как и его сотоварищи, время от времени пробавлялся тем, что сдавал разные железяки во Вторчермет. Юрка любил с ним, как говорится, «побазарить за жизнь». Тот частенько заходил к парням в мастерскую: потрындеть и почифировать. К этому делу он на зоне приистрастился. При этом старался подгадать так, чтобы Аверьяныча на месте не оказалось. Тот эту публику на дух не переносил и именовал не иначе как дармоглотами и гопотой подзаборной.

На глаз определить Тимохин возраст было весьма затруднительно. Но Юрка знал, что тому давно перевалило за полтинник: Аверьяныч рассказывал, они еще в советское время на автобазе вместе работали. Про себя Тимоха говорил, что полжизни «чалился» на зоне. На самом деле, со слов того же Аверьяныча, в колонии он провел всего пару лет. А до того, как загреметь туда, жил Тимоха, как и все нормальные люди: дом, семья, работа. И вот раз по

пьяному делу обнесли они с дружбаном ларек. И что обидно? Взяли-то – пару ящичков пива. А дальше как в песне: «Голуби летят над нашей зоной...» Ну а как на волю вышел – глядь, жены и след простыл. Да ладно бы просто свалила – так нет же: она, зараза, еще и квартиру продала! Союз к тому времени распался. Автобазу к рукам прибрал местный депутат. Тимоху с его «волчьим билетом» на пушечный выстрел туда, само собой, не подпустили. Так, неожиданно для себя, стал Тимоха бомжом, сдающим во Вторчермет старые чугунные батареи, бачки от унитазов и прочий металлолом, что под руку подвернется. Доходов с этого ему хватало не только на пропитание, но и на выпивон, чтобы «жизнь свою поломатую», как выражался Тимоха, хоть сколько-нибудь скрасить. И что самое удивительное, такая «поломатая» жизнь его, похоже, вполне устраивала. Вот этого Юрка, как ни старался, понять не мог.

– Давно не появлялся. Я уж думал, случилось чего. – Юрка подвинулся, освобождая место рядом. – Падай.

Тимоху колотило с бодуна. Примостившись на лавку, он согнулся, весь скукожившись.

– Фигово выглядишь. Что? Совсем плохо? – посочувствовал Юрка.

– Помираю, Воробей, – пробормотал Тимоха, выбивая дробь немногими уцелевшими в борьбе за место под солнцем зубами. – Налей сто грамм, будь другом. Не то прям щас кони двину.

– Так нет ничего! Сам знаешь, у нас же сухой закон. Аверьяныч бдит за этим делом.

– А-а-а... Сдохну сейчас! – заскулил Тимоха, раскачиваясь из стороны в сторону. – Может, найдешь? А, Воробей? Ну, в мастерне же по-любому есть чего-нибудь!

– Тебе говорю – нету ни шиша.

– Воробей, ну поищи, а? – Тимоха умоляюще, по-собачьи заглядывал Юрке в глаза. – Ну, Воробушек, ну, загнусь же прямо здесь. Оно тебе надо?

– Тьфу! – психанул Юрка. – Иди сам ищи, если мне не веришь.

Зайдя в гараж, Тимоха тут же кинулся судорожно рыскать по всем углам. Юрка с жалостью наблюдал за страдальцем.

– Я же говорил! – наконец радостно взвыл тот. – Не могёт такого быть, чтобы Тимоха у вас в мастерне да ничего не нашел!

Юрка подошел и увидел, что тот держит в руках банку с клеем БФ.

– Клей?

– Он самый! Эх... Молодой ты еще, Воробей, жизни не нюхал. – Тимоха с вожделием потянул носом. – Это ж «Борис Федорыч», ёк-мокарёк!

– Какой, на хрен, Борис Федорыч? Совсем допился?

Тимоха, не отвечая, суетливо пошарил взглядом по сторонам:

– Воробей, ты это... Короче... Дрель нужна.

– Зачем?

– Давай, давай... Скоренько... Мы его щас это... на сверло намотаем! – банка в его руках ходила ходуном.

Юрка, глядя на воспаленные, почти безумные Тимохины глаза, решил не спорить и принес из подсобки дрель:

– Держи.

– О! – обрадовался тот. – Еще ведро, посудину какую... Ну давай, Воробей, шевели поршнями, видишь же, кончаюсь... И воды... Воды еще.

Юрка подал пустое пластмассовое ведро и пятилитровку с чистой водой. Тимоха трясущимися руками перелил клей в пустое ведро, добавил воды.

– Соль тащи.

– Соль зачем?

– Для вкуса, ёк-мокарёк! Тащи, говорю. Ни хрена химии не знают. И чему вас только в школе учили? Как же мне хреново, Воробей... Как хреново!

Сыпанув в ведро соли, Тимоха опустил туда сверло:

– Врубай!

– Дрель?

– Ну а чего еще?!

Юрка воткнул шнур в розетку.

Дрель, разбрызгивая вокруг ошметки клея, стала наматывать на сверло клейкую массу, оставляя на дне вонючую жидкость. Наконец Тимоха выдернул шнур и отбросил в сторону инструмент с намотанным на сверло липким комком.

Юрка, склонившись над ведром, брезгливо поморщился.

– Блин, Тимоха, ты что, это пить будешь?

– Само собой! Это ж спирт! Ничего-ничего... – усмехнулся он, глядя на скоротившегося Юрку. – Нормалек! Не «Кузбасслак», конечно, но тоже потянет.

Он взял с верстака граненый стакан, нацедил в него мутную жижу и, ухватив стакан обеими руками, поднес к трясущимся губам:

– Эх!.. Жизнь моя полوماتая! – Мучительно давясь, Тимоха потянул в себя содержимое. Острый, поросший щетиной кадык его судорожно ходил туда-сюда, точно поршень, загоняя внутрь измученного организма вонючую отраву. Юрку передернуло.

Опустошив стакан, Тимоха с минуту стоял, уткнувшись носом в грязный рукав. Наконец выдохнул с облегчением:

– Хух!

– Загнуться не боишься? – поинтересовался Юрка.

– Боюсь. А куда деваться?

– А за каким тогда пьешь?

– Не выпьешь – быстрее загнешься. Молодой ты еще, Воробей. Мы с мужиками в советское время, когда Меченый кислород нам перекрыл насчет спиртного, чего только на автобазе ни пили: и тормозуху, и...

– Да ладно гнать! Тормозуху?

– Хех! Это ж народная вещь – тормозуху по рельсе пустить. Но ее, рельсу-то, для начала выморозить надо, так что это только зимой. Да... Было дело.

Он утробно икнул и схватился за живот.

– Ох, Воробей, давай на воздух. Чё-то мне... Не того...

Выйдя на улицу и присев на лавку, Тимоха откинулся, прислонившись спиной к нагретой на солнце металлической стене гаража. Было видно, что его немного отпустило. На скулах даже румянец появился.

– Ничё-ничё... Нормалек.

– А кореш твой где, Толян? – поинтересовался Юрка, видя, что говорить Тимоха вроде уже в состоянии.

– В психушку забрали.

– О как!

– Ага! Прикинь, мы тут недавно у ханьги одного зависали. Бухло, само собой, кончилось. Я пока ходил, искал, Толян на хате остался. Возвращаюсь, а он на полу сидит. Забился в угол и глаза таращит: «Смотри, говорит, Тимоха, снег идет...» И руками так перед собою машет, машет... Ну, я струхнул, конечно, маненько. Скорую вызвал: думал, они ему успокоительное вколют какое-нибудь – и все. А эта клизьма в белом халате, прикинь, Толяна в наркологию уpekла. Сама сопля молодая... Врачом небось без году неделя, а туда же – диагнозы ставить. «Белая горячка», – говорит. Я ей: «Ты погоди диагнозы ставить! Ты его обследуй сначала всего как следует». А она ему, Толяну, значит: «Вы, – говорит, – голоса слышите?» И тут я возьми сдуру и ляпни, по запаре-то: «Какие, нахрен, голоса? Я же с ним тут все время торчал, пока вы не приехали. Не было, – говорю, – никого!» Тут она ко мне поворачивается, гляделками своими

сквозь очёчки уставилась и спрашивает... подозри-и-тельно так: «А как ваша фамилия?» Ну тут уж я сообразил, что тупанул, и дальше в дискуссии вступать не стал, от греха подальше. А то сидел бы сейчас с Толяном в дурке на пару.

Юрка, просмеявшись, спросил:

– Тимоха, а на фига тебе все это? У тебя же мать еще живая – жилье есть, работать бы мог... Да хоть бы у нас в мастерской. Аверьяныч говорит, ты классным мастером был. Жил бы как человек!

– Пошел твой Аверьяныч куда подальше, буржуй недоделанный. Еще не хватало, чтоб я, Тимоха Постников, на него чертомелил. Я ж его еще по автобазе помню, змея! Он меня, промежду прочим, тринадцатой зарплаты как-то лишил. Думает, я забыл... не-е-ет... Я все-е-е помню! – Тимоха злорадно потряс пальцем. – Мы с мужиками накатили тогда чуток перед сменой, а этот гад сдал нас начальнику гаража. А дело-то как раз под Новый год было. Ну и все – амба! Шиш тебе, Постников, а не тринадцатая зарплата!

– Вспомнил, – хмыкнул Юрка. – Ты давай с темы не соскакивай. Ты мне честно скажи, как есть: нравится тебе такая жизнь или нет? Только честно!

– Молодой ты еще, Воробей, не поймешь...

– Да что ты заладил: молодой, молодой... Вот и объясни мне, молодому, как так?.. Дома у тебя нет, семьи нет. Живешь как пес подзаборный. Друзей – и тех нет, собутыльники одни.

– А у тебя?

– Что у меня?

– У тебя-то друзья есть?

– Конечно! – удивился Юрка. – Славка, Шиша... Мы ж с первого класса дружим.

– Ну-ну, – хмыкнул Тимоха. – Друзья...

– Чего «ну-ну»? – возмутился Юрка.

– Молодой ты еще...

– Да у тебя одна песня! Ты старый, ну и скажи мне, вот на фига ты живешь?

Тимохе после выпитого заметно полегчало. Порывшись в карманах, он достал было заму-соленный окурочок, но Юрка протянул ему свои сигареты.

– О! Спасибочки. – Тимоха закурил. – Вот смотри, Воробей, крутишь ты целый день гайки. Так? Так. А зачем?

– Ну как зачем? – удивился Юрка. – Нравится. Ну и денег хочю накопить.

– Зачем?

– Зачем? Квартиру куплю, машину... А может, не знаю... Может, в Москву махну.

– Х-ха! В Москву! А зачем? – Тимоха с наслаждением затянулся.

– Да вот, Славян зовет. С работой, говорит, поможет.

– А чем тебе здесь не работа? Обязательно в Москву надо?

– Сравнил! Там возможности другие, – неуверенно возразил Юрка.

– Возмо-о-ожности... Ну так!.. Нешто мы не понимаем! – ухмыльнулся Тимоха. – Вон, – он махнул головой в сторону завода, – маневровый наш... Вся жизнь по одной и той же узко-колейке ходит. И никакая другая дорога, с нормальной колеей, ему не подойдет. Потому как ширина колеи только под него заточена. Нестандартная ширина! – Тимоха назидательно поднял палец. – Вот и у человека так же. У каждого в жизни своя колея есть. С которой не соскочишь. И пытаться не надо, зря только намучаешься. Да... Думаешь, я не пробовал новую жизнь начать? Пробовал. И чё толку? Сижу с тобой тут... Вот и ты, Воробей, держись своей колеи накатанной. И не рыпайся попусту. Думаешь, в Москве этой шибко румяно живут?

– Да уж, поди, получше нас!

– Да где уж там! Ну, хорошо! Купишь ты себе квартиру, машину... Дальше что?

– Да как что? Женюсь!

– На кой? – Тимоха циркнул слюной под ноги. – Думаешь, много от них, от баб, радости? Это они до загса все белые и пушистые, а потом только и слышно: дай денег, дай денег... А случись с тобой что – и все! «Вот она была и нету...»

– Да ну тебя, Тимоха. Тебя послушать, так лучше по помойкам лазить да в теплотрассе ночевать.

– А чем плохо? – Тимоха вскинул брови. – Вот ты Библию читал?

– Нет... – удивился вопросу Юрка.

– Зря! Мудрая, я тебе скажу, книга. В ней, промежду прочим, как раз про таких, как я, написано!

– Да ладно?!

– Прохладно! Я дословно, конечно, не вспомню, но общий смысл, так сказать... – он поморщил лоб. – В общем, живите, сказано там, как птицы! И ни в коем разе не вздумайте ничего копить, никакие такие сокровища или еще чего! Потому как все равно найдутся лихие люди – сопрут! Мудрые слова, промежду прочим, это я тебе как человек сидевший авторитетно подтверждаю. Да... И тряпье ваше моль сожрет. И вообще, живи, сказано, и не парься, что ты хавать и что ты пить будешь, обо всем Господь позаботится. Вон птицы ни фига не работают, а всегда сыты. А человек, промежду прочим, ничуть не хуже птицы. Так что об человеке отец небесный всенепременно позаботится. Будь спокоен! Так и сказано: нефиг о завтрашнем дне заботиться, он сам о себе позаботится. Очень правильные, я считаю, слова. Вот и получается, Воробей, что я, в отличие от некоторых, живу по заповедям Божиим.

– Ничего ты завернул! Сомневаюсь я, Тимоха, что это для тех писалось, кто ворованные дорожные люки во Вторчермет сдает и клей с бодуна пьет.

– А это не тебе, Воробей, судить. – Тимоха с укоризной покачал головой. – Не тебе... Клей пить – не самый страшный грех, промежду прочим. Кому плохо-то от того, что я выпил, а?

– Нет, Тимоха. Я не согласен, – возразил Юрка, – ну, как это так: поел, выпил, поспал... И все?! У человека же какой-то смысл должен быть в жизни. Цели... Стремиться надо... К чему-то.

– Например?

– Ну... Не знаю... Достичь чего-нибудь. Чтоб уважали тебя. Родители чтоб гордились...

– Вот видишь, Воробей, сколько тебе для счастья надо, – усмехнулся Тимоха. – Вертишься, крутишься, гоношишься... Аверьяныч тебя строит целыми днями. А мне для счастья чего надо? Червячка заморил, где ночь перекантоваться, нашел – и все! Ну выпить, само собой. И никому я ничего по жизни не должен. Ни одна собака мне не указ. Потому как я птица вольная! Вот и ты, Воробей, – еще раз тебе говорю! – держись своей колеи накатанной. И не рыпайся попусту. А то: Москва, Москва...

– Что? Неужели правда жить по-человечески не хочется?

– По-человечески – это как? Горбатиться с утра до ночи? Так я и без работы твоей полюбому себе и хавчик всегда найду, и одежей разживусь. Во, зацени, как я вчера на свалке отоварился! – он вытянул ноги в почти новых кроссовках.

– Да при чем тут твои кроссовки? Я ему про одно, он про другое. Пропадешь же! Замерзнешь где-нибудь зимой под забором по пьяному делу.

– Ты, Воробей, пойми. – Тимоха глубоко затянулся и, сложив губы трубочкой, виртуозно выпустил несколько колечек дыма, одно за одним. – Ты пойми, что каждому человеку боженька свою судьбу уже определил. Там... – он потыкал заскорузлым, пожелтевшим от курева пальцем над головой. – И ежели мне суждено от синьки загнуться, я так и так загнусь. Не бойсь! Что с работой, что без... Ну и за каким мне тогда пуп надрывать?

– Ничё ты философию подвел. А чего ж ты полчаса назад трясса тут: помираю, Воробей, помоги... Ну и помирал бы, раз тебе все равно, – поддел его Юрка.

Тимоха, поплевав на ладонь, притушил об нее окурок:

– Ты, Воробей, промежду прочим, мне благодарен должен быть. – приходя в себя после выпитого, Тимоха борзел на глазах. – Я, ежели хочешь знать, дал тебе шанс проявить, так сказать, свои лучшие человеческие качества.

– Да ну! – изумился Юрка. – Я ему банку клея пожертвовал, с риском для жизни, можно сказать: Аверьяныч если узнает – прибьет. Мне еще сверло очищать от «Борис Федорыча»! А он же мне еще, оказывается, и великое одолжение сделал.

– А ты как думал? – удивился Тимоха. – Как же, по-твоему, по другому-то спознать: правильный перед тобой пацан или так... дерьмо на палочке? То-то же! Вот ты мне помог? Помог. И теперь мне доподлинно известно, что Воробей не фраер дешевый, а... – он осекся.

На дороге показался Аверьяныч.

– В натуре, не мой сегодня день, – подорвался Тимоха, охая и хватаясь за печень. – Прощевай, Воробей. Почапал я. А то вон смотрящий ваш пилит. Бывай!

* * *

День выдался бестолковый, суматошный. Мало того, что Юрке от Аверьяныча за дрель с «Борис Федорычем» прилетело, так еще напарник на работу не вышел – загулял, видать, водилось за ним такое. А клиенты, как на грех, – один за одним, только успевай поворачиваться. Ближе к обеду вышел наконец на свежий воздух – передохнуть. Не успел присесть, как тут же к мастерской подрулил джип. Из машины выпрыгнул Славян, следом, задыхливо сипя, выполз Шиша.

– Мужики, помогите. – Он открыл багажник.

В багажнике лежал связанный по ногам баран. Баран был грязный, как черт. Шерсть свалявшаяся, в репейниках.

– Это что за чучело? – удивился Юрка.

– Да вот... бате подарок. Он у нас только баранину уважает. Ну вот, свежачка ему. – Шиша хохотнул. – Его бы постирать, а то больно вид нетоварный. Давай, Воробей, «керхером» пройдишь по нему.

Барана загнали на мойку, Юрка врубил «керхер» и направил струю на животное. Тот заметался, заблажил дурниной. На крик заглянул Аверьяныч.

– Чего у вас тут?

Узнав, в чем дело, покачал головой.

– Да-а-а, пацаны... И как же вы живете-то? Без мозгов? А? – он с участливым состраданием посмотрел на парней.

– Но-но... – Шиша угрожающе зыркнул в его сторону. – Ты за базаром-то, отец, следи.

– Ты, Шиша, мужчина, конечно, авторитетный... только малость недоразвитый, – вздохнул Аверьяныч. – Ухайдокали вы животинку, живодеры.

– Да чё ему будет? – Юрка с сомнением посмотрел на жалобно блеющего барана. Тот слегка покачивался на неловко раскоряченных ногах.

– Вот ведь как: на крутых тачках катаются, в компах шарят, а мозгов нет, – продолжал Аверьяныч. – Там же уровень давления – о-го-го! Вы ему все нутро отбили.

– Да ладно... – не поверил Шиша.

– А ты вставай к стеночке, я тебе прям щас душ Шарко и устройю. И ты, Юрок, рядом располагайся. Опробуем аппарат.

– Чё-то я как-то того... Не подумал, – стушевался Юрка. – И чего делать теперь?

– Чего-чего? Резать скорей. Пока не издох.

Шиша озадаченно почесал затылок.

– Аверьяныч, а ты барана когда-нибудь резал?

– Не-не-не... Резать! Я даже мясо не ем.
– Вегетарианец, что ли? – удивился Славян.
– Ага! Вегетарианец... В детстве видел раз, как свинью резали, с тех пор и зарекся. В горло не лезет. До сих пор в ушах визг стоит. Так что вы свои душегубские дела без меня решайте.

– Мужики, поможете? – Шиша повернулся к парням.
– С ума сошел?! – замахал руками Славка.
– Я пас, – категорично отрезал Юрка.
– Ладно. Сам управлюсь. А еще друзья называются.
Загрузив барана в багажник, Шиша сел в машину и дал по газам.
Юрка проводил взглядом джип.
– И как он его, интересно, резать будет? Живой все-таки... Жалко.
– Этот зарежет. Не сомневайся, – мрачно хмыкнул Аверьяныч. Сплюнул, развернулся и пошел в гараж.

Парни удивленно переглянулись.
– Чего это он? – спросил Славка.
– Да не обращай внимания, – отмахнулся Юрка. – Он сегодня вообще... Не в духе, короче.
– Ну так чё? Вечером в «Киты»? – толкнул его в бок Славка.
– Как договорились.
– Ну, окей! Ты тогда часикам к десяти подтягивайся. Мы с Нинкой тоже к этому времени там будем.

Услышав про Нину, Юрка почувствовал, как сердце у него предательски екнуло.

* * *

В обед Юрка сгонял на рынок: шмоток прикупить. А то совсем обносился. А с другой стороны, куда ему наряжаться? С утра до вечера на работе. Но сегодня дело другое: в «Китах» Нина будет. Вернувшись с рынка, Юрка решил сразу и примерить обновки, прям тут – в мастерской.

– В клуб, значит, пойдешь? – Аверьяныч задумчиво ковырял спичкой в зубах, глядя, как Юрка вытряхивает из пакета свертки.

– Ага. Джемпер вот, штаны новые...
– То-то, я смотрю, ты из старых портков прям выпрыгиваешь. Чем тебе старые-то плохи? Старик сегодня и правда был не в духе. Не нравились ему эти Юркины гулянки с друзьями. Переживал – сбаламутят парня, утащат в Москву свою.

Юрка, не обращая внимания на старика, скинул джинсы и принялся примерять обновки. Аверьяныч недовольно наблюдал за ним.

– Мелко ты, Юрок, мыслишь. Разве ж это главное в мужике – штаны! Вот я, – он пристал, – я в этих штанцах, ежели хочешь знать, десять лет хожу. И ничего! Как новенькие.

Заметив, что Юрка на него ноль внимания, Аверьяныч, помолчав, продолжил:

– Я это к чему? Я это к тому, что фигня все это: шмотки, побрякушки, айфоны-майфоны. Знаешь, как говорят? Встречают по одежке, а провожают по уму.

– Это ты сейчас на что намекаешь?

– Ни на что я тебе не намекаю. – Аверьяныч раздражался на глазах. – а только противно мне на нынешних мужиков смотреть. Хуже баб стали. Да и девки ваши тоже... – он многозначительно помолчал.

– Чего тоже? Девки-то наши тебе чем не угодили?

– Да всем! Гляди-ко ты, моду взяли – фитнесы-шмитнесы... Губы варениками накачают – жуткое дело! Рожать перестали! У меня внучка третий год с хахалем своим живет. Я им: вы когда мне правнуков народите? А они: ну что ты, дед, какие правнуки? Сначала надо для себя пожить, мир посмотреть, квартиру побольше купить...

– Ты, Аверьяныч, ничего не понимаешь в современной жизни, – отмахнулся Юрка, разглядывая свое отражение в прислоненном к стене треснувшем лобовике крузака.

– Да уж куда мне! – хмыкнул Аверьяныч. – И что вы за поколение такое? Я же говорю: одно барахло на уме. Это ж не жизнь, а лажа какая-то. Вот я помню...

– Ну, начинается... Тебе лет-то сколько? Тогда все по-другому было.

– Да отчего ж? В наше время тоже всяких хватало. За джинсами да за разной другой фирмой гонялись. А то еще, помню, мода была: клеши со вставками и колокольчиками таскали. Брюки сами черные, а вставки по бокам красные, бархатные! И колокольчики повдоль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.